

Анатолий Панков

ПО СКОЛЬЗКОЙ ДОРОГЕ ПЕРЕМЕН

От стабильности Брежнева до наследства Ельцина

Анатолий Панков

**По скользкой дороге перемен.
От стабильности Брежнева
до наследства Ельцина**

«Издательство «Перо»

2017

УДК 070
ББК 76.01

Панков А. С.

По скользкой дороге перемен. От стабильности Брежнева до наследства Ельцина / А. С. Панков — «Издательство «Перо», 2017

ISBN 978-5-906977-28-9

Автор книги – член Союза журналистов Москвы Анатолий Панков – никогда не был диссидентом. Однако, столкнувшись с правдой жизни, узнав про ложь и дезинформацию «родной партии» об истории страны, увидев несогласованность деклараций партноменклатуры с её реальным поведением, он постепенно пришёл к естественному шагу: выходу из КПСС. Несмотря на начавшуюся горбачёвскую перестройку... В книге на документальной основе показан полувековой путь журналиста, работавшего в московской, аджарской, якутской прессе, создавшего первую в СССР официальную антитоталитарную газету – московские «Куранты», путь – от попыток своим пером улучшить советскую действительность до разоблачения системы. Эта книга, прежде всего, – о девяностых годах минувшего столетия, которые в корне изменили нашу страну. О том, как в недрах жёсткой коммунистической системы, всеобъемлющей идеологической пропаганды даже у «идейно выдержанных» людей зарождались сомнения в правильности экономического и политического курса страны, как сама Система подталкивала к кардинальным реформам 90-х, к разрушению самой себя. В книге отражены важнейшие шаги по реальным переменам в стране – от первых альтернативных выборов в ходе «перестройки» Горбачёва до кровавых столкновений противоборствующих сил во время реформ Ельцина, представлены мнения и оценки виднейших политиков, экономистов, деятелей культуры и публицистов тех лет.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-5-906977-28-9

© Панков А. С., 2017

© «Издательство «Перо», 2017

Содержание

Воспоминание о будущем	7
Не «шестидесятник» в журналистике шестидесятых	9
«МК» середины 1960-х годов – газета Алексея Флеровского и Бориса Бугаева	9
Не лирическое отступление о «еврейском вопросе»	13
Молчаливый протест инакомыслия	20
А можно ли нам дискутировать?	24
«Короли – рабочие, ферзи – комсомолки...»	27
«Искру» называли «Фёклой»	30
Двенадцать компромиссов Сергея Довлатова с советской действительностью...	32
За что сняли Алексея Флеровского?	35
АПН – агентство советской пропаганды	37
В мусульманском Закавказье	43
Водные проблемы затянули в антисоветчину	50
Ловись, рыбка, морская и речная, «золотая» и дармовая...	53
Край романтиков, бичей и бешеных денег	56
Визиты к Эдит Пиаф и к человеку-амфибии	61
На «даче Эйзенхауэра»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Анатолий Панков
По скользкой дороге перемен.
От стабильности Брежнева
до наследства Ельцина

В книге использованы иллюстрации из архива автора.
Издано на средство автора.

© Панков А. С., 2017

* * *

Воспоминание о будущем

Эта книга – мои воспоминания о будущем. История имеет склонность повторяться. Учёные мужи называют это спиралью развития. Вроде бы время уже совсем другое, другие люди, другие герои и антигерои, другие идеи превалируют в обществе, а внимательнее приглядишься – и заметишь знакомые черты прошлого. Причём, что беспокоит, начинают повторяться негативные тенденции прошлого. Казалось бы, общество уже осудило отрицательные, пагубные деяния минувших лет, когда ложь и подтасовка фактов определяли наши цели и задачи, страна уже выбрала путь правды, честности, но по трудно объяснимой причине растёт реванш тёмных сил, опирающихся на старые мифы и предрассудки. Это не наше отечественное «изобретение». Это – мировая тенденция. Только нам от этого не легче.

Закончив активную журналистскую деятельность, я не собирался писать мемуары. Но события последних лет мне стали напоминать несправедливую ситуацию прошлого времени, в котором мы долго жили, с недостатками которой активно боролись и от которых, казалось, уже избавились навсегда.

Полвека в профессиональной журналистике – это колоссальный срок. И он значителен не тем, что конкретно я сам за этот период сочинил, а тем, как за эти годы менялись страна, пресса, шагнувшие из тоталитарной эпохи в сторону демократии, и как начали сгущаться тучи над нашей молодой, неопытной демократией. Конечно, обо всём написано через моё восприятие, но с главной целью – показать окружавший меня мир, людей, которые повлияли на меня, на общество в целом, которые и сами менялись. Не только журналистская, но и депутатская деятельность позволяли мне встречаться с людьми, от которых зависела судьба страны.

В книге приводятся документы минувших лет: официальная переписка, архивные данные, постановления, а главное – публикации в прессе, которые теперь уже стали достоянием истории, их «не вырубешь топором» и не откорректируешь. Есть тексты, ранее никогда не публиковавшиеся. Всё это – хрестоматия минувшего времени, для кого-то далёкого, за пределами видимости и личного восприятия, для кого-то – часть его жизни.

Так выглядел «Московский комсомолец» полвека назад, когда я начал работать в этой газете

Даже без авторской ретуши приведённые материалы дают довольно красноречивую картину происходивших перемен. Они позволяют нынешнему читателю самому делать выводы о правильности или ошибочности мнений и деяний. Многие из того, что предлагалось изменить в нашей жизни десятилетия назад, до сих пор актуально. Может быть, были спорные решения, но знать о них полезно – чтобы перекинуть исторический мостик из минувшей эпохи в нынешнюю, учесть при выборе вектора развития. Ведь Россия до сих пор находится в стадии демократизации всей нашей жизни. Общество ещё не выработало единой линии развития. Даже в правящей элите замечаются расхождения во взглядах, как, наконец, достичь благоденствия в нашей многострадальной стране.

Не «шестидесятник» в журналистике шестидесятых

*«Не печалься, что тебя никто не знает,
Но стремись к тому, чтобы заслужить
известность».*

Конфуций.

«МК» середины 1960-х годов – газета Алексея Флеровского и Бориса Бугаева

В профессиональную журналистику я пришёл сравнительно поздно – в двадцать восемь лет. Уже были испробованы другие профессии.

Учась в техникуме при заводе «Фрезер», я очень сильно увлёкся шахматами: участвовал в официальных соревнованиях, в квалификационных турнирах, имел разряд, сочинял шахматные композиции. И быть бы мне завсегдаем настольных баталий. Но однажды мою подростковую головушку пронзила мысль: стать писателем! Почему вдруг такое желание зародилось у сына краснодерёвщика и безграмотной домохозяйки, я до сих пор понять не могу. И где бы я потом ни работал, эта идея фикс не давала мне покоя.

Диплом техника-технолога привёл меня на Московский инструментальный завод «МИЗ». Служил в армии. Потом – работа в райкомах комсомола, крановщиком – на стройке, учителем труда и физики – в средней школе № 124, что находилась на Большой Бронной.

Не обладая природным даром, я решил приблизиться к литературной деятельности, поступив на заочное отделение факультета журналистики МГУ.

Каждый, кто становился профессиональным журналистом, наверняка, что-то пописывал и до работы в редакции. Печатался в стенгазетах, в заводских многотиражках. Может, даже сочинял рассказы или стихи для журналов... Была и у меня такая прелюдия. Какие-то опусы попадали не только в стенгазеты, в окружную военную газету, но и на страницы «Гудка», «Вечёрки», «МК» и даже «Комсомолки». Но всё это было не на том уровне, который позволял мне, уже взрослому человеку, без оглядки броситься в омут новой сферы.

Летом 1966 года моя однокурсница Лена Журавская, видя мои колебания, чуть не за руку привела меня в «Московский комсомолец». Она работала в спортивном отделе, а доверила меня отделу пропаганды, убедив, что там «отличные ребята», и, судя по моей биографии, тематика для меня подходящая. Ребята – исполнявший обязанности заведующего отделом Володя Чернов и его правая рука Лёна Коренев – дали мне задание. Я потратил на него свой учительский отпуск и в сентябре стал штатным сотрудником «МК».

Точнее, штатным нештатным. Штатное расписание в молодёжке было заполнено, и меня зачислили корреспондентом без оклада. Но с соблюдением социальных гарантий – оплаты отпуска и больничного листа. Работать надо было только за гонорар. Несмотря на моё семейное положение, я согласился на такой промежуточный вариант.

После приличных для уравнильно-социалистическим времён ста сорока пяти рублей на учительской работе (я там пахал в две смены, преподавая труд и физику) выживать было сложно. Тем более поначалу, когда я ещё не освоил профессию и не располагал достаточным количеством тем, адресов для информации, нужных для этой профессии контактов. При всей моей творческой активности зарабатывал я в месяц лишь в пределах двадцати – сорока рублей.

Мне повезло с коллегами – относились ко мне доброжелательно. Несмотря на моё прошлое комсомольское функционерство. И уже через два с половиной месяца мне дали половину какой-то ставки – сорок рублей. Это была стремительная по меркам молодёжки карьера. Некоторые гонорарщики до года и более ждали хотя бы часть минимального оклада.

Отработка этой полставки началась своеобразно. Так получилось, что Чернов и Корнев вдруг исчезли. Они не только работали в «МК», но и числились студентами дневного отделения! И ушли на экзаменационную сессию. К тому же женская половина отдела не отличалась усидчивостью на рабочем месте. И я чуть ли не единственный, кто ежедневно всё рабочее время «охранял» кабинет. Было пугающе пусто без опытных коллег. В редакции ведь не только пишут, но и выполняют много полутехнической работы. Пришлось, несмотря на мой краткосрочный опыт, и на планёрки ходить, и материалы заявлять в номер, и вычитывать полосы... Кроме того, отвечал на звонки, смотрел почту.

Запомнился один, удививший и поставивший меня в тупик телефонный вопрос: «С вами говорит дочь легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева Клавдия Васильевна». Я онемел: вот так запросто можно прикоснуться к легенде. А она спросила строгим партийным голосом: «Как вы собираетесь отмечать восьмидесятилетие Василия Ивановича?» Я знать не знал, как будем отмечать и будем ли. А у Чапаева этот юбилей уже скоро – 9 февраля 1967 года. Никаких указаний на сей счёт я не получал. Но огорчать дочь легендарного комдива не хотелось. Я проямлил, что ещё не решили, подумаем...

Из почты отдела запомнилось одно необычное, неожиданное письмо. Его прислал нам какой-то служка из той церкви, которая даже после яростной борьбы большевиков с религиозностью, сохранилась возле входа на станцию метро «Сокол». Этот «рассадник опиума» продолжал работать при советской власти. Прихожане жертвовали свои кровные. Но и в чисто церковной семье, видимо, завелись слуги дьявола. Автор письма пожаловался в комсомольскую (!) газету, что доход делят тайно и, разумеется, не честно.

Письмо отправили в православную инстанцию. Вскоре Московская патриархия в ответе поблагодарила редакцию за внимание к их церковным проблемам и сообщила, что «меры приняты». Какие – не уточнила. Скорее всего, наказали священника, а жалобщика выгнали, чтобы не выносил сор из православной избы, в лучшем случае – перевели его в менее привлекательное по доходам место.

В «МК», как и в любой другой редакции, подобрался разный народ.

Так случилось, что одним из самых первых в моей жизни знакомых журналистов стал Игорь Бугаев. Мы познакомились, когда я ещё работал в райкоме комсомола. Он ездил с нами в наш подшефный колхоз имени Фрунзе Можайского района. Когда я пришёл в штат «МК», Бугаев руководил отделом рабочей молодёжи, потом продвинулся до главного редактора. А позже поднялся по партийной лестнице – его взяли в помощники всесильного тогда в столице члена политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Московского горкома Компартии Виктора Гришина! Затем многие годы от имени советской власти Бугаев командовал культурой столицы.

Любопытная карьера! А ведь, как шептали в редакции, Игорь (вообще-то вначале я его знал как Гарри!) якобы был сыном знаменитого писателя Андрея Белого. Тот на самом деле ведь был Борисом Бугаевым. А у Игоря и отчество – Борисович. Но, может, это досужие разговоры, основанные на совпадении? О его родословной я Бугаева не спрашивал, и он ни разу не обмолвился и даже не намекнул на родство со знаменитым россиянином.

Но такие истинные партийцы, как Игорь Борисович, в тогдашнем «МК» – единицы. Напротив, были те, кто мечтал свалить из страны. Например, возглавивший после Бугаева отдел рабочей молодёжи Ян Вишнепольский эмигрировал в Израиль. Я никогда не слышал от него антисоветских высказываний. Впрочем, о таких скользких вещах публично не распространялись. Это – удел кухонных рассуждений. Да и были мы не только на разных административных уровнях, но и вращались в разных внутривнутриредакционных группировках.

Ян мне запомнился с первых дней моей работы в «МК». Дело в том, что он, как дежурный критик, в своём обзоре очередного периода, дал не очень лестную для меня характеристику моей первой штатной публикации – итога моей летней работы на «МК». Материал под названием **«В мир, открытый настежь...»** (16 сентября 1966 г.) получился огромный, на всю полосу. Сразу отмечу, что название и дату всех публикаций я указываю преднамеренно, считая это историческим документом, а за давностью – ещё и архивным. Тема была мне рекомендована Володей Черновым – порассуждать об отношениях между разновозрастными группами внутри комсомола. Что-то типа «старший брат – младший брат».

На хорошо известном мне заводе «Фрезер» я провёл анкетирование, разыскал несколько пар, в которых тот, кто постарше, помогал тому, кто помоложе: или освоить профессию, или в вечерне-заочной учёбе, или в сложной бытовой ситуации, или давал рекомендацию для вступления в комсомол... Что-то вроде модного тогда шефства над более слабым.

В те годы советской пропагандой раскручивался «почин Валентины Гагановой», бригадира Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината, перешедшей из своей передовой бригады в отстающую. Нам преподносилось, что сделала она это добровольно. Но на самом деле – по заданию парткома. Не исключаю, что парткому комбината предложили выйти с такой инициативой сверху, из ЦК КПСС, поскольку отстающих в стране было не меньше, чем передовиков. Знатной текстильщице за почин дали звание Героя Социалистического Труда, сделали её депутатом Верховного Совета СССР и членом ЦК КПСС! А остряки откликнулись частушкой: «Брошу я хорошего. Полюблю поганого. Пусть в народе говорят: “Новая Гаганова”»...

Тема про персональное шефство у меня с трудом вытанцовывалась, поскольку жизнь «Фрезера» не давала достаточного материала для анализа и выводов, а по своей неопытности и в стремлении быть правдивым автором я тогда не мог «сориентироваться», чтобы написать то, что от меня требовалось. Я мучил тему, тема мучила меня. Но Володя помог дожать текст, к тому же подыскал для яркого заголовка строку Эдуарда Багрицкого. И я впервые так крупно напечатался. Эта статья помогла мне устроиться в штат «МК», а потом легла в основу моего идейно-выдержанного творческого журфаковского диплома под названием «Гражданином быть обязан», за который я получил «отлично».

А вот Ян был не в восторге от моего полосного материала, хотя и положительно отметил попытку коснуться довольно сложной темы взаимоотношения внутри молодёжной среды. Я был огорчён его оценкой. Правда, слегка – так как и сам понимал слабость, лобовую прямолинейность материала. Чернов успокаивал: «Старик, не унывай: тебя заметили! О тебе говорили! Не о каждом первом материале столько говорят. И вообще не о каждом авторе. Не все даже опытные журналисты этого устаиваются...» Впоследствии я убедился в правоте этих слов. А Яну был благодарен за честную оценку...

На моё отношение к редакционной работе повлиял Юрий Альперович (он потом поменял фамилию, стал Дружниковым), руководивший отделом науки. Очень своеобразный у него был стиль работы. Подчинённых он не имел, так как отдел состоял из него одного. По штату. Но на научные темы было много желавших публиковаться. Общался Юрий с авторами и с начальством строго по графику. Как правило, его стол пустовал. В редакции появлялся в тот день, когда надо было отправлять в набор материалы очередной полосной подборки «Наука – век XX». Сдав в набор, исчезал. Приезжал, когда надо было вычитывать гранки или уже сверстанную полосу.

Мы сидели в одной комнате, и мне часто приходилось отвечать звонившим ему: «Он будет во вторник в 11.30...». И Юрий приходил к 11.30 Он никогда не опаздывал. Никогда не задерживал сдачу полосы, не имел дисциплинарных проблем с руководством. И никогда не сидел в редакции лишней минуты. Он был со всеми коллегами корректен, но ни в каких посиделках не участвовал.

Хотя я сам был довольно пунктуальным человеком (комсомольская работа приучила), но его чёткость, деловитость произвели на меня сильное впечатление. Его стиль – не протирать в присутственном месте штаны, не заниматься болтовнёй, а чётко делать своё дело, не подводить, не обманывать – повлияли и на моё журналистское поведение. А он вряд ли догадывался, что как-то повлиял на меня. Ведь мы практически не общались. Не будь его примера, не исключая, что я стал бы себя вести, как «журналистская богема»: отвлекаясь на соблазны, тратя время и силы на второстепенные занятия.

Тогда я не знал, не мог знать, что Юрий ценил своё время ещё и потому, что он экономил его для писательства. И лишь значительно позже узнал о его эмиграции.

Его чёткое, выверенное поведение тем более было знаковым, контрастирующим, что большинство редакционных коллег пунктуальностью не отличались. На работу приходили, когда заблагорассудится – и после обеда, и даже после ужина... Часто приходили пустыми – без готовых материалов. Нередко – подшофе. Сидели допоздна, вымучивая последние строки, дабы успеть сдать обещанное в номер, где на месте ожидаемого материала зловеще зияла дыра.

Оценивая мою дисциплинированность, Лёня Коренев как-то заметил: «На таких, как ты, Толя, страна держится». Сязвил, конечно. А может, и всерьёз. Кто их, журналистов-шутников, поймёт...

Не лирическое отступление о «еврейском вопросе»

*Ой, не шейте вы, евреи, ливреи!
Не ходите вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы завтра, не стенайте –
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.*

Александр Галич, «Предостережение».

Читатель, вероятно, уже обратил внимание (по названным мною фамилиям), что эмигрировали евреи. Это естественно. В то время начался их активный отъезд в страну обетованную и другую за границу – по доброй воле и не очень. В «МК» была довольно значительная прослойка журналистов этой национальности. Сами же они мне как-то со свойственной им самоиронией рассказали об анекдотическом, но реальном редакционном случае. Кто-то из них вошёл в отдел культуры и хотел поделиться осенившей его важной мыслью: «Вот мы, русские, считаем...» Он запнулся, все переглянулись и загоготали: в комнате не было ни одного этнического русского!

Схожая ситуация была и, скажем, в «Вечерней Москве», где главным редактором был еврей. Да и вообще в некоторых отраслях журналистики. Много евреев было также в культуре, медицине, науке, торговле, обслуживании, строительстве. «Много» – конечно, относительно иных сфер деятельности.

Это давало защитникам коммунистического режима повод отрицать преследование евреев в СССР, за что упрекали нашу страну на международном уровне и даже вводили санкции (в США: поправка Джексона – Вэника). Признаюсь, какое-то время и я так думал. Я доказывал знакомым зарубежным журналистам, что в нашей стране евреев не ущемляют в правах. Посмотрите, говорил я, сколько знаменитостей, обласканных властью, среди актёров, музыкантов, учёных и т. д. Пока не столкнулся с реальной действительностью. Ведь сытый голодного не понимает. Отдельные примеры личного успеха евреев и в определённых сферах деятельности – это не система.

В «МК» редактором отдела учащейся молодёжи был Борис Иоффе, приютивший тогда у себя будущую знаменитость талантливого мальчишку Юру Щекочихина. Отделом писем руководил Игорь Ачильдиев. Про Вишнепольского и Альперовича я уже говорил. Александр Шифрин даже дорос до заместителя главного редактора. Однако когда вакансия главного была свободной, его на этот пост не назначили. И он знал почему. Нет, не из-за того, что, как он утверждал, в его роду были какие-то титулованные предки из Испании, а из-за пресловутого «пятого пункта». Поэтому он даже не комплексовал по поводу стоп-линии в карьере.

И ничего удивительного, что моя коллега по отделу Ирина Прусс как-то иронично заметила, что быть мне заместителем главного редактора «МК». Намекая на мой безукоризненный пятый пункт анкеты и опыт работы в комсомоле.

У евреев, вечно гонимых практически во всех христианских (не говоря о мусульманских) странах за «грехи» перед Богом, точнее перед его сыном, выработался мощный инстинкт выживания. Что делает честь представителям этой национальности.

Напомню, что ещё Александр III, закручивая гайки после реформ своего отца, освободителя от крепостного права, много чего запретил евреям: проживать в крупных городах, заниматься некоторыми профессиями, получать высшее образование и т. д. И не случайно, что евреи оказались в первых рядах борцов против самодержавия, они видели в этом и освобождение от национального гнёта.

И за советскую власть они активно боролись. Достаточно сказать, что военный переворот в Петрограде был совершён благодаря выдающимся организаторским и ораторским способностям председателя здешнего Совета рабочих и солдатских депутатов Льва Троцкого (Бронштейна). Это признавал и сам Сталин: прочтите его заметку в большевистской газете по поводу первой годовщины октябрьского переворота.

Победу большевикам добывали такие соратники Ленина, как Лев Каменев (Розенфельд) и Григорий Зиновьев (Радомысльский). Каменев был избран первым руководителем большевистского государства. После смерти Ленина он возглавлял Совет труда и обороны, вёл заседания политбюро ЦК ВКП(б). Много лет был председателем Моссовета.

Во время хрущёвской «оттепели» мы с удивлением узнали из повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь», что Ленин, вопреки фильму Михаила Ромма «Ленин в Октябре» и пропагандистским печатным материалам, скрывался в Разливе не один, а вместе с Григорием Зиновьевым, накрываясь с ним в шалаше одной шинелью! Именно Зиновьев был по должности вождём мирового пролетариата – он семь лет возглавлял исполком Коммунистического интернационала. Долгие годы был председателем Петроградского (Ленинградского) совета.

Ещё напомним о таких влиятельных большевиках, как юридический глава Советского государства (председатель ВЦИК) Яков Свердлов, глава ВЧК и потом Совета народного хозяйства Феликс Дзержинский, видный деятель международного рабочего движения Карл Радек (Кароль Собельсон), весьма успешный нарком финансов Григорий Сокольников (Гирш Бриллиант), создавший конвертируемый (!) советский червонец и успешно боровшийся с громадной инфляцией под лозунгом «Эмиссия – опиум для народного хозяйства»... Да, много их, «сынов Иудеи», было в революционном движении, сподвижников Ленина, строителей советской власти. Кстати, и у самого Ильича дед по женской линии был евреем, но, чтобы поступить в Медицинскую академию, а это иудеям тогда не позволялось, Израиль Моисеевич Бланк принял православие и стал Александром Дмитриевичем. Но до какой же степени проник антисемитизм в сознание, что об этом «постыдном прошлом» вождя мирового пролетариата до перестроечных времён запрещали публично говорить!

Сталин, занявший сугубо административный пост генерального секретаря партии, умело лавируя между группировками и пользуясь их идейными разногласиями, поочерёдно уничтожил почти всех самых влиятельных деятелей-евреев в большевистском руководстве.

Сразу оговорюсь, чтобы не было недопонимания, он и русских, и грузин, и других преследовал не менее жестоко. Но евреев при Сталине не только репрессировали, но и практически отлучили от управления страной. Сравните национальный состав руководства большевистской партии в 1917 году и, скажем, в 1929 и далее. Да, из новеньких выдвинулся Лазарь Каганович, такая большевистская посредственность, специалист по «организационной партийной работе». Но он не в счёт. Лазарь-то как раз и помогал вождю расправиться с теми, кто мешал тому строить социализм на свой манер. Не против был предать и родственников.

Вот как пишет о будущем «железном наркомом» Борис Бажанов в книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»:

Лазарь Моисеевич Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во все время сталинщины. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда сталинские чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится чистое убийство без малейшего основания, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Перед арестом Михаил Каганович застрелился.

Потом еврейская прослойка в высших эшелонах совсем истончала. Остался только Вениамин Дымшиц, переживший в советском правительстве аж пять его руководителей – от Сталина до Рыжкова. В последние годы занимался материально-техническим снабжением Страны Советов. То есть человек был на хозяйстве, а чисто политические вопросы не решал. Может, он был талантливым (по-советски) хозяйственником, а может, его и держали-то на высоком посту, чтобы продемонстрировать, что евреи у нас не преследуются. Хорошие, правильные, «свои» евреи. А со всякими отщепенцами, диссидентами нам не по пути строительства коммунизма.

Негласно эта линия – отлучение евреев от реальной политической деятельности – последовательно проводилось на всех уровнях. Даже на низовых. В первичных организациях компартии на предприятиях и в учреждениях практически невозможно было с пятым пунктом стать их руководителем. А в обкомы, горкомы, райкомы и прочие «комы» даже на рядовые, инструкторские должности таких принимали только в силу кадрового голода в отдалённых районах. Да и директорские должности заполнялись с учётом анкеты. И всё это негласно, закулисно, по тихому, по предварительному просеиванию и строгому возвращению молодых кадров. Конечно, были исключения, особенно в тех сферах, о которых я вначале упомянул. Или там, где приоритет тех или иных специалистов был непререкаем, скажем в науке, связанной с ВПК.

На бытовом уровне лично я не заметил махрового антисемитизма. Мне могут возразить: потому не заметил, что я не еврей, а если бы, мол, им был, то заметил... Возможно. Но именно в моём бытовом окружении антисемитизма не было. Ни родители, ни соседи, ни знакомые, ни коллеги по работе это не проявляли.

Помню лишь, что в доме отдыха парни раскрыли паспорт, оставленный соседом по комнате, и обнаружили, что на самом деле его звали не Мишей, а Моисеем. Ну, похихикали, но ему так ничего и не сказали, чтобы не обидеть.

Помню также урок, преподнесённый мне в моём шестилетнем возрасте. Тогда, во время войны, я без присмотра болтался на улице. Обиделся на мальчишку, который что-то мне не дал и стал обзывать его: «Жид, жид по верёвочке бежит. Верёвка хлопнула, жид прихлопнула». Он не был евреем, а слово «жид» для нас означало не национальность, а жадность человека. Ко мне подошла женщина. Остановила меня, строго посмотрела на меня и грустно-грустно сказала, скорее попросила: «Не надо так говорить». Была ли она еврейкой, не знаю. Мне стало стыдно, и это слово я перестал употреблять. И, скажу откровенно, мне неприятно было читать это слово в русской классической литературе, например, у Гоголя...

Но в целом в стране бытовой антисемитизм, конечно, процветал. Это особенно заметно по тюремной татуировке и анекдотам. Бывший тюремный надзиратель, по совету отца-фольклориста ставший собирателем эковской натальной живописи петербуржец Данциг Балдаев показал мне огромное число своих зарисовок, в том числе и антисемитских образцов. Но практически все они были идеологизированы: в сионизме обвиняли... большевиков, КПСС. Видимо, это следствие распространённой в народе (и, мне кажется, поддерживаемой некоторыми советскими слоями) версии, что все наши муки, бедность и ментовская вседозволенность возникли из-за того, что в семнадцатом году революцию сделали евреи, ради «жидовского фуфла – коммунизма». Кстати, по утверждению, «истинных российских арийцев», реформы девяностых годов тоже затеяли «сионисты», чтобы уничтожить русскую нацию. Даже распространяли списки самых злостных из них – политиков, журналистов, писателей. Видимо, для наводки...

Анекдоты про евреев мне нравятся, когда их рассказывают сами евреи. Но никогда не любил анекдотов про евреев, где их показывали, жадными, предателями... Убеждён, что подобные антисемитские анекдоты намеренно распространялись, дабы власти могли списать свои экономические ошибки и поражения в войне на предательство внутренних «врагов». Это так просто, по принципу: «если в кране нет воды...», то причём тут райисполком?

Но думать, что все евреи мечтали сбежать из «советского рая», это преувеличение. Я возвращаюсь к разговору о редакции «МК».

Работал там в моё время великовозрастный сотрудник Роман Карпель. Он тогда уже разменял шестой десяток, а всё ещё рядовой корреспондент, не продвинулся. То ли по карьерной причине, то ли действительно по какому-то внутреннему убеждению, но он вдруг захотел вступить в компартию.

Однако приём интеллигенции был дозирован. Большевики создавали-то свою партию как классовую, пролетарскую. А в эпоху уже победившего социализма кто же не захочет идти в ногу с руководящей силой и в её сплочённых рядах? Разумеется, люди, желавшие сделать карьеру, должны были связать себя с членством в КПСС. На некоторые руководящие должности не коммунистов вообще не утверждали.

Так что вхождение нашего великовозрастного коллеги в «передовые ряды строителей коммунизма» не ожидалось лёгким. В райкоме могли и завернуть. И «допрос» на комиссии райкома окончился скандалом. Я пришёл с ним в качестве представителя партбюро, и был свидетелем, как он еле сдерживал себя, отвечая на ядовитые вопросы старых коммунистов (действительно – старых), пытавшихся докопаться до истины: а почему это он вступает только в пятьдесят с лишним лет? «Созрел, осознал», – упрямо бубнил Карпель. Он вообще был взрывной, а тут от «допроса» вспылал, стал отвечать дерзко. «Руководящая сила» этого не любит, надо быть покладистым, понимающим и принимающим правила игры.

Ему дали время остыть и подумать. В своё время я тоже получил «урок воспитания» на подобной комиссии, но мне в вину поставили не возраст, а мой категорический отказ парткому стать секретарём комитета комсомола. Уверенный, что на следующий раз ему дадут «добро», я успокаивал Карпеля. Просто не надо горячиться, спорить. Эти «старперы» ведут себя как пэры, как защитники отечества. Причём, я знал, что многие из них побывали в ГУЛАГе. Но теперь они – особая партийная каста, вершители судеб людей. И приходится подчиняться им, если не хочешь испортить свою биографию. Со второй попытки Карпель, справившись с негативным восприятием «допроса», был принят.

Однако приобщение к партийной касте не помогло ему в карьерном плане. Членство в КПСС ещё не гарантировало такого роста, это лишь подпорка. Не помогло в этом ему и сотрудничество с КГБ. Разумеется, об этой его связи тогда я не знал. Выяснил только сейчас.

Недавно в интернете я обнаружил статью Карпеля «Жрецы “Помойки № 8”» аж за 1960 год (29 сентября)! Тогда ни интернета, ни электронных версий не было. Как же карпелевская статья попала в анналы всемирной паутины? Ведь он не стал классиком советской журналистики. Единственно, чем он заслужил внимание интернета (помимо названной статьи), так это как соавтор путеводителя «Музей в Петрищеве» – об истории создания и об экспозиции музея Зои Космодемьянской. Зато стал весьма известным герой статьи Карпеля – Оскар Рабин. И именно из-за того, что история касалась биографии этого художника, в интернете опубликовали давнюю статью Карпеля. Я процитирую её:

Однажды я очутился на дому у художника Оскара Рабина. И то, чему я стал свидетелем, то, что пришлось мне увидеть, настолько меня ошеломило, что я еще долго не мог прийти в себя. Я убедился, что все эти люди – Анатолий Иванов, Игорь Шибачев, Оскар Рабин и другие – никакого отношения к нашему советскому искусству не имеют и не могут иметь. То, что ими превозносилось, оказалось гнуснейшей пачкотней наихудшего абстракционистического толка. Не говоря уже о том, что “произведения” Рабина вызывают настоящее физическое отвращение, сама тематика их – признак его духовной убогости. Как самое лучшее “творение” он выдает свою, с позволения сказать, работу “помойка № 8”. Судите сами, как широк кругозор этого отщепенца!

Но вот “приятели” мои обо всем этом и о самом Рабине мнения иного. Только тут, в гостях у него, я понял, что вся эта группа молодых людей – духовные стилиаги, пустые,

оторванные от жизни, наносящие вред нашему обществу. Так же, как Рабин, они топчут все светлое, человечное. Их суждения о жизни и искусстве могли бы показаться бредом сумасшедших, если бы я не был уверен, что они люди нормальные.

Это не собственные слова Карпеля. Это он цитирует якобы присланное письмо в редакцию. Я подчёркиваю – «якобы», потому что в советской прессе не обязательно было получать подобные письма, достаточно их самому сочинить, чтобы, отталкиваясь от инициативы рядовых читателей, оправдать свой интерес к теме, особенно когда это касается определённой ситуации, назначенных для критики личностей. То, что Карпель заранее исполнял задуманное, показывает, как он отнёсся к героям процитированного письма. Он просто облил их помоями:

И вот мы беседуем с одним из этой группки, с тем самым “теоретиком” так называемого “абсолютного искусства” Анатолием Ивановым.

Слушаешь его, смотришь на него и диву даешься! Молодой, с высшим образованием, юрист по специальности, комсомолец – откуда у него вся эта ересь?..

И вот новоявленные примитивы XX века трогаются в путь. Дорога ведет их под Москву, в Лианозово, где обитает в небольшом захламленном домике знакомый Иванова – некто Оскар Рабин.

Когда-то были у него слабые способности к рисованию. Но желание славы оказалось намного выше его возможностей. А посредственностью слывть так не хотелось! И выход нашёлся. Много ли таланта нужно для того, чтобы ляпать кистью, как заблагорассудится? Он читался всяких западных журналов и книг о “творчестве” абстракционистов. Даже макаки и шимпанзе, узнал он, рисуют “картины”. Неужто ж он хуже?

И стал Рабин “творить”.

Каждый журналист имеет право на собственное мнение и оценку явлений, действий людей, тем более – творчества художников. Это сугубо личное восприятие. Но зачем же при этом лгать?! К моменту публикации данного пасквиля Оскар Рабин уже доказал свой профессионализм. И не за границей, а дома. Да, за «формализм» его исключили из Суриковского института. Но ещё весной 1957 года он принимал участие в выставке молодых художников Москвы и Московской области, летом того же года на выставке произведений молодых художников Советского Союза, устроенной в связи с VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов, получил почётный диплом за натюрморт. Был участником Международной выставки изобразительного и прикладного искусства в Центральном парке имени Горького. И этот человек «ляпает кистью», «посредственность»?

Попутно Карпель лягнул поэта Игоря Губермана и его коллег по самиздатскому альманаху «Синтаксис».

«Духовный стилига» Оскар Рабин, как и водилось в те годы, начал искать творческое счастье на Западе. Сначала выставлялся на зарубежных выставках и в галереях. А на родине его преследовали за «несоветское» искусство. В 1967 году выставку на Шоссе Энтузиастов, где и он был представлен, прикрыли через два часа после открытия! Осенью 1974 года Рабин становится инициатором и одним из главных организаторов известной выставки работ художников-нонконформистов на свежем воздухе – в Битцевском лесопарке («Бульдозерная выставка»). Три года спустя он так надоел нашим спецслужбам, что они предложили ему «добровольно» уехать в Израиль. Оскар отказался. Тогда его поместили в КПЗ. И, когда настойчиво рекомендовали отправиться по туристической путёвке в Европу, он уже был вынужден согласиться. Правда, выторговал у чекистов – вместе с женой и ребёнком.

Обосновался в Париже. Стал вполне успешным, то есть покупаемым художником.

Уже в новой России, вспоминая прошлое и в частности нападки в советской прессе, начатые статьёй в «МК» Романом Карпелем, Рабин рассказал, что Карпель повинился перед ним, сказав, что его на Лубянке заставили написать этот поклёп... Да, два мира – два Шапиро.

Юрий Дружников (Альперович) в своих зарубежных воспоминаниях (интервью для газеты «Новое русское слово», Нью-Йорк, 2 октября 1992 года) так отозвался о Карпеле:

Меня учили жить старые газетные волки. Один из них, Борис Волк (настоящая фамилия), который работал в «Вечерней Москве», был гениальным учителем предмета, который я бы назвал так: «Теория и практика цинизма».

Другой – Роман Карпель, добрейший человек, работал в «Московском комсомольце». Больше всего на свете он любил кошек. И при этом написал либретто оперы «Павлик Морозов». Третий – Борис Иоффе, он же Евсеев, – мог один выпустить целую газету. Партийная исполнительность уживалась в нем с талантом открывателя подлинных талантов, которым он, однако, не мог помочь.

Закончу разговор о Карпеле. Юрий не знал, что «добрейший человек» и «любитель кошек» сочинял по просьбе КГБ, не догадывался? Или, по его мнению, это нормально, что всё уживается в одном человеке?

Сам Юрий в эмиграции активно публиковался. Как следует из упомянутого интервью, свой роман о советских журналистах – «Ангелы на кончике иглы» он начал писать ещё в 1960-е годы:

Служа в газете, ежедневно видя воздействие этого оружия, я хотел понять его сущность, описать тайны двора, нити, кухню, то, что американцы называют ноу-хау. Вот так рождались «Ангелы на кончике иглы». Играть я не хотел и писал, не рассчитывая на публикацию, – максимум правды.

Чтобы его не застукали гэбисты, он, по его словам, прятал рукопись в металлическом контейнере, для которого сделал тоннель в гараже. В конце 1970-х вывез «Ангелов» за рубеж какой-то «отважный американец», спрятав рукопись в коробку из-под «Мальборо».

О судьбе Дружникова после моего ухода из «МК», а тем более после моего отъезда из Москвы в Якутск, я ничего не знал. Лучше всего и точнее всего об этом, разумеется, рассказал он сам – в интервью хорватской журналистке Ирене Лукшич (1998 г.):

Родился я и жил в центре старой Москвы. Меня, молодого писателя, воспитывали люди, которые вышли из лагерей после смерти Сталина, в том числе Копелев, Шаламов и Солженицын. Поэтому с самого начала писательской деятельности лучшие свои работы я прятал безо всякой надежды их опубликовать, а издавались детские книги, которые я писал шутки ради. С началом событий в Чехословакии в 1968 году мы решили, что следом за Пражской весной должна последовать Московская весна, но советские власти подавили Прагу и начали завинчивать гайки у себя дома. Об этом страшном времени тогда (1969 – 1976) я написал роман-хронику «Ангелы на кончике иглы», часть которого во время обыска у приятеля попала к надзирателям за мыслями.

За диссидентские дела (письма протеста, публикации на Западе, работу в Самиздате) группу писателей-диссидентов одним списком в 70-е годы выкинули из Союза писателей, но коллег моих сразу выпустили за границу, а со мной изменили тактику. Не дали визы, не издавали, мстили за публикации за границей (били стекла, обворовывали квартиру, беря только рукописи, на допросах грозили лагерем и психушкой). Коллеги-эмигранты основательно осваивались на Западе, а я значительно тише действовал в Москве: открыл творческую мастерскую для писателей, потом Литературный театр вдвоем с киноактером Савелием Крамаровым, потом маленькое независимое издательство «Золотой петушок», – все разгонялось известным учреждением.

Сперва вынудили печататься на Западе, а потом на очередном допросе в КГБ объяснили, что я живу в свободной стране и мне предоставят свободный выбор, куда хочу: в лагерь или в психушку. Американские писатели Бернард Маламуд, Курт Воннегут, Элия Визель включились в мою защиту, приняли почетным членом в ПЕН-КЛУБ (сейчас я так же спасаю от тюрьмы писателей в других странах). Остался выезд, но власти мне отомстили: десять лет не выпус-

кали. Они ошиблись, не посадив или не убив меня бутылкой в подъезде: я много написал за десять лет немоты в Москве. Но они победили, на пятнадцать лет полностью изъяв мое имя из литературного употребления на родине. Лишь в 1987 году, после скандала с выставкой «10 лет изъятия писателя из советской литературы» и письмом Горбачеву от 64-х конгрессменов меня вытолкнули на Запад.

За кордоном Дружников опубликовал много. Кроме «Ангелов»: документальное расследование «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова», роман-исследование о замалчиваемых аспектах биографии Пушкина «Узник России», сборник воспоминаний и эссе «Я родился в очереди», книгу о трагедии отечественной литературы «Русские мифы»... После краха коммунистической системы, в новой России его книги были изданы и на Родине.

Молчаливый протест инакомыслия

*Кто полусытый – тот полуголодный.
Полусвободный – это полураб!*

Евгений Евтушенко, «Половинчатость».

При всей внешней разболтанности атмосфера в «МК» была творческой. А для меня интересной ещё и с идеологической стороны.

В «МК» тогда подобралась люди, не лишённые острого интереса к политике, причём многие – с критическим настроем к советской действительности. Радовались каждой успешной попытке в своём материале пропихнуть крамольную мысль или хотя бы намёк. Правда, они были скорее нигилистами, чем активными противниками советской власти. И они не отличались храбростью. Так, когда я от них узнал домашний телефон Солженицына, который в то время был в рязанской ссылке, и сказал, что хочу позвонить, они испугались: «С ума сошёл?!». Их понять можно: они вынуждены были сдерживать свои порывы. Ведь активных при малейшем подозрении на инакомыслие попросту выгоняли с «волчьим билетом», мешали публиковаться.

Зато это были продвинутые люди, более начитанные, чем я, имевшие тесные связи с миром культуры, с «шестидесятниками».

Формально на работу меня брал Виктор Липатов, он одновременно возглавлял наш отдел пропаганды и был заместителем главного редактора. Ему было не просто совмещать две хлопотные должности. И фактически повседневной жизнью отдела руководил Володя Чернов (впоследствии он стал главным редактором «Каравана историй», а потом – «Огонька»). К тому же вскоре Липатов ушёл в «Комсомолку» (затем руководил журналом «Юность»).

Наш отдел плюс отдел культуры – это была духовно сплочённая группировка. Причём при поддержке и активном участии редактора «МК» Алексея Флеровского, человека в чем-то необычной, а в чем-то и традиционной судьбы.

Его отец Иван Петрович Флеровский тоже был журналистом: редактором нескольких советских газет и журналов, заведовал отделом ТАСС. Жил в знаменитом Доме на набережной. Умер в 1959 году в Москве, но похоронен... в Кронштадте. Почему? Алексей Иванович никогда не делился семейными подробностями, не рассказывал об отце, чья жизнь могла бы стать сюжетом для литературного произведения. Старший Флеровский участвовал в революции 1905 года, был членом Петроградского военно-революционного комитета, обеспечившего победу большевикам в октябре 1917 года, занимал пост главного комиссара Балтийского флота. Если учесть, что большинство участников революционных событий были уничтожены Сталиным, особенно те, кто хоть как-то соприкасался с Троцким в период борьбы за большевистскую власть, то можно удивляться, что Иван Флеровский выжил в кровавом месиве.

Расспрашивать о таких вещах мне казалось не корректным. Да и говорить на эту щекотливую тему мне было не по чину. Находились мы на слишком разных административных ступенях. Хотя как главный редактор он никогда не возвышался над подчинёнными недоступной административной глыбой. Напротив, был прост в деловом общении. При этом оценивал материалы жёстко. И его искренность подкупала.

Журналист Галина Сорокина, работавшая в те давние годы в «Комсомолке» и других «центральных» изданиях, так впоследствии отзывалась о Флеровском и «МК»:

”Московский комсомолец” тех лет, когда главным редактором его был Алексей Иванович Флеровский – человек замечательно живого ума, нежного, стойкого, отважного сердца

человек – во всем, я бы сказала, высшей квалификации, “Московский комсомолец” тех лет для условий той страны, какой наша страна была, переживал период невиданного для печатных изданий подъема. Едва ли не каждый номер в момент исчезал из киосков, потому что люди покупали по несколько экземпляров, чтобы снабдить газетой знакомых, чтобы послать в другие города, вплоть до Сахалина, Камчатки. Газета открывала новые имена, устраивала литературные круглые столы, поддерживала целую плеяду авторов, получившую кодовое имя – молодежная проза. Газета печатала не печатаемых в Москве, почти изгоев.

Флеровский почти всегда участвовал во всех наших дружеских застольях после трудового дня. Эти ночные гулянки не были похожи на те попойки, которые с детства окружали меня на нашей московской рабочей окраине. Пили не до свинства, а для разогрева крови, мозгов и языка. Говорили откровенно, хотя понимали, что среди нас мог быть сексот – это обычное дело в советской действительности. Да и сейчас, я думаю, спецслужбы действуют в подозрительной с их точки зрения среде так же. Хотя, быть может, в меньшей степени физическим присутствием, поскольку технические средства позволяют при необходимости следить за любым и в любом месте без личного контакта.

Слушали стихи и песни запрещённых и полузапрещённых авторов: Александра Галича, Владимира Высоцкого, Новеллы Матвеевой, Наума Коржавина, Геннадия Шпаликова... Делились впечатлением о суде над Даниэлем и Синявским, о только что вышедшем романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», о будоражащих общественное мнение зарубежные фильмы – итальянских, польских, американских...

Из наиболее креативных (как теперь модно выражаться) рядовых журналистов того «МК» вспоминаются Владимир Шахиджанян, Александр Аронов, Леонид Коренев, Юрий Щекочихин.

Володя Шахиджанян тогда сильно увлекался кино. Здание на противоположной стороне Чистопрудного бульвара тогда занимал кинотеатр «Колизей», позже оно отдано «Современнику». Шахиджанян организовал там общественный кино клуб – с просмотрами, обсуждениями.

Саша Аронов был уже тогда признанным поэтом: и публичным (печатался не только в «МК»), и застольным. Мы с интересом слушали его стихи, особенно те, что не доходили до публикации. А песню «Если у вас нет собаки...» мы пели задолго до выхода рязановского кинофильма «Ирония судьбы» с музыкой Микаэла Таривердиева.

С Юрой Щекочихиным тогда мы были в разных возрастных группах. Он только со школьной скамьи пришёл в «МК», но мы прониклись друг к другу симпатией. Однако дружбы не получилось, потому что вскоре я ушёл из «МК», потом уехал из Москвы. И только после моего возвращения в столицу мы иногда встречались по журналистским делам, например – на пресс-конференции брежневского министра внутренних дел Щёлокова. Горбачёвская «перестройка» позволила ему смелее вскрывать пороки советской действительности. Его публикации в «Литературке» были остры и умны.

Однажды, правда, я решил, что он перегнул палку. Уже при Ельцине Юра опубликовал статью о том, что происходит с недвижимостью в Москве и какую гнетущую, пугающую атмосферу создают действия Лужкова. Я посчитал, что он сгустил краски, не так понял начавшийся процесс приватизации, который был, во-первых, прогрессивным шагом, а во-вторых, неизбежным действием для разрушения «социалистической собственности» и коммунистического строя.

Однако впоследствии я понял, что он был не так уж неправ. Мне тогда, в начале девяностых, нравились «решительные действия» столичного градоначальника – так быстро пошла приватизация в Москве. А ведь под шумок и под демократические фанфары об успехе приватизации действительно творилось чёрт те что. Тогда как грибы плодились приближенные к власти компании, которым доставались лакомые куски. Потом это назовут «прихватизацией»

и обвинят в этой вакханалии демократов, хотя этим занимались те же чиновники, что сидели во властных креслах и при советской власти.

Смерть Шекочихина стала неожиданностью. Я склонен согласиться с версией, что Юру попросту «убрали». Он слишком мешал своими раскопками, глубокими и аргументированными. Иным способом справиться с ним не могли – ни подкупить, ни напугать, ни засадить (у него был депутатский иммунитет), вот и устранили...

Особо тесные отношения у меня сложились с Лёней Корневым. Фактически первые, робкие шаги в профессиональной журналистике я делал и под его руководством тоже. Он был очень своеобразным человеком. Володя Чернов, учившийся с ним вместе на журфаке, рассказывал: читает Лёня университетский учебник русского языка и хохочет. Что может быть смешного в сухой грамматике? Оказывается – примеры, фразы, приводившиеся для иллюстрации правил. Он обращал внимание не столько на грамотность (или безграмотность) фраз, сколько на их идеологическую несуразность. Его инакомыслие сидело у него в крови.

Почему – я не знаю. Может быть, он как никто знал с детства фальшь советской пропаганды? Он родился и жил на Украине. Когда немцы захватили их город (кажется, Харцызск), его мать продолжала получать пособие на ребёнка, как... жена советского командира. Как долго это продолжалось, не помню, но получала. И этот факт никак не стыковался с официальной, которая замалчивала подобные истории.

Это только потом, когда началась перестройка, мы узнали, что немцы на оккупированных территориях нередко сохраняли административные органы и даже прежних, советских руководителей (конечно, не в комитетах компартии, а в исполкомах местных Советов). А расстреливали тогда, когда наши подпольщики и партизаны убивали немцев, подрывали поезда, уничтожали технику, поджигали дома. Ведь не все же немцы были нацистами. На фронт попадали и противники гитлеровской тоталитарной системы, в том числе и сочувствующие советскому социализму. Жестоко расправлялись с гражданским, оккупированным населением в основном эсесовцы, спецотряды.

Лёня тяготился запрограммированной, почти рутинной журналистской работой. Трудно представить, чтобы он, работая в отделе пропаганды, сделал интервью с каким-нибудь комсомольским функционером и тем более, чтобы сотворил отчёт о комсомольской конференции. Да его к этому и не привлекали. Думаю, в отделе вздохнули с облегчением, когда появился я, бывший функционер: на меня спихнули всю эту навязываемую сверху обязательку.

Зато Лёня с удовольствием взялся за выпуск специального уикэндовского номера «МК». Это была если не первая, то одна из первых в Москве попыток издания «толстушки». Толстым, на восьми полосах, номер стал благодаря уменьшению его традиционного формата А2 вдвое.

Кстати, эту идею поддержал новый редактор «МК» – Игорь Бугаев. В этом проекте не было идеологической опасности, зато повышался читательский интерес. Ведь «толстушку» старались делать преимущественно познавательным-завлекательным. Я, например, по просьбе Лёни для одного из первых номеров «толстушки» сделал разворот про Харитоньевские переулки («**Большая история маленьких переулков**»).

С историей Большого Харитоньевского связано имя Александра Пушкина, который неоднократно проживал здесь. Когда он ещё под стол пешком ходил, семья снимала флигель у дворца Юсупова. Есть стихотворение-память о прогулке в «Юсуповом саду». А в «Евгении Онегине» Татьяну Ларину везут из деревни именно в этот московский переулок:

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился.*

В старинном особняке в то время располагался президиум сельскохозяйственной академии – ВАСХНИЛ. С этой организацией связана жизнь выдающегося нашего отечественного учёного Николая Вавилова, погибшего в саратовской тюрьме, куда он попал во время борьбы Сталина с «буржуазной» наукой – генетикой и вымышленной Трудовой крестьянской партией...

Творческие искания Лёни в «МК» оборвались в связи с его переходом в Агентство печати «Новости». Потом он неожиданно оказался на телевидении, на «второй кнопке». Этот канал, в отличие от первого, был преимущественно познавательным. По его заказу я написал сценарий об антибольшевистских правительствах в годы Гражданской войны, был снят сорокаминутный телефильм. Но и на телевидении Коренев удержался недолго. Популярнейший тогда в журналистской среде главный редактор – Егор Яковлев – пригласил его под своё крыло. Яковлев превратил сухой, сугубо профессиональный малотиражный журнал «Советская печать» в «Журналиста» с более широкой палитрой общественных тем. Однако творческого удовлетворения от этого сотрудничества Лёня не получил. По его словам, Егор слишком давил на сотрудников, а этого свободолюбивый Коренев выдержать не смог. Потом, в новой России у Виталия Третьякова в «Независимой газете» он возглавил литературное обозрение. Но тоже что-то не сложилось.

Мы не общались много лет. Каждый шёл по жизни своим путём. И вдруг, уже во второй половине девяностых, он звонит мне. Лёня спросил, найдётся ли для него место в «Курантах». Однако у нас тогда наступил тяжелейший период сохранения газеты из-за финансовых трудностей. Мы не набирали сотрудников, а увольняли, чтобы сократить расходы. Вот если бы он с первых дней «Курантов» у нас объявился... Всё было бы иначе...

А можно ли нам дискутировать?

Вернусь к внутриведомственной жизни «МК». Наши посиделки, нетрадиционные разговоры дали мне очень много, я с совершенно другой стороны стал оценивать и исторические события, и критиков советской власти, да и свою журналистскую стезю.

Не скажу, что у меня открылись глаза. Я и раньше замечал несоответствие между словами «родной партии» и реальными делами – и в прошлом нашей страны, и в текущее время. Большевики сами воспитывали во мне недоверие.

Это недоверие усилилось, когда я начал для «МК» делать материалы по истории комсомола. Пожилая сотрудница архива ЦК ВЛКСМ, показывая фотографии прежних руководителей комсомола, тихо, печально приговаривала: «Этот расстрелян. Этот расстрелян. И этот... Вот эта группа ЦК вся расстреляна...». И это – про активнейших участников большевистской «революции»! И это – о руководителях коммунистического союза молодёжи!

Честные, преданные делу революции гибли массово, гибли ни за что. А мы в газете, через полвека после победы социализма, трусливо обсуждали: можно ли себе позволить поговорить? Фактически мы как бы спрашивали власть: а вы, дяденьки, позвольте нам порассуждать о смысле бытия современной молодёжи, о том, как её вовлечь в активную общественную жизнь и каковы формы и цели этой активности?

За «круглым столом» в редакции я собрал тринадцать юных мудрецов, чтобы обсудить тему **«Молодежные клубы – гости и хозяева»** (опубликовано 5 марта 1967 г.). Тогда эта тема стала модной и покровительственной для обсуждения. Партийная власть и комсомол реально ощущали, что усиливается безыдейность нового поколения, своего рода нигилизм. Ещё не протестные настроения против существующего режима (это было уделом очень узкого круга инкомыслящих), а просто разочарование в декларативных «идеалах коммунизма». Вот и пытались вовлечь «не охваченных» под своё крыло через клубы по интересам, молодёжные кафе.

Так, по инициативе Фрунзенского райкома комсомола при кинотеатре «Художественный» появился клуб любителей кино «Арбат». Как рассказал его представитель, в клубе, судя по выданным абонеентам, тысяча двести человек. Причём девятьсот из них регулярно участвуют в общественных просмотрах и обсуждениях фильмов. Цель создателей клуба – «пропаганда хороших фильмов и воспитание грамотного зрителя». И в те времена более «лёгкие» фильмы, как, например, «Подвиги Геракла» или индийский «Цветок в пыли», привлекали зрителей больше, чем те, которые пытались вовлечь зрителей в размышления о текущей жизни (пусть и в рамках соцреализма).

«А как же идеологическое воспитание? – спросил участник нашего «круглого стола», комсомольский функционер. – Просто просмотры, и всё? Не кажется ли вам, что в этих клубах интересных встреч мы воспитываем пассивность? Человеку придумали клуб. Он приходит, чтобы его развлекали там».

Но однажды в «Арбате» показали фильм «Обыкновенный фашизм», и в его обсуждении принял участие режиссёр Михаил Ромм. «Мы разбирали не только художественные достоинства фильма, но и его политическое содержание», – парировал представитель киноклуба. Это уже – кое-что. Правда, сомневаюсь, что на том обсуждении мог прозвучать хотя бы намёк на сходство двух тоталитарных систем – гитлеровской и коммунистической. За это, мягко говоря, по головке не погладили бы.

Но встречи по интересам в клубах и молодёжных кафе столкнулись с непреодолимым препятствием – «господином Планом». Зачем кинотеатру нужен киноклуб любителей, если не будет хорошего сбора? По признанию представителя «Арбата», администрация «Художественного» стала к ним серьёзно относиться лишь после того, как зал стал заполняться и давать плановую выручку.

С такой же проблемой столкнулись и молодёжные кафе. На волне эмоционального подъёма с двух сторон – «снизу» и «сверху» их появилось в Москве более двух десятков. Сейчас, когда в столице сотни разнородных кафе и ресторанов, эта цифра кажется смешной, а тогда это было похоже на кулинарную революцию. Но даже от этого незначительного количества к моменту нашего обсуждения осталось только два – «Молодёжное» и «Синяя птица». Правда, незадолго до нашего «круглого стола» открылось кафе «Лелль», представитель которого посетовал, что нет какого-то координирующего органа по работе молодёжных кафе. А что может поделать «координирующий орган», если посетителей недостаточно? Особенно там, где тогда вознамерились пропагандировать здоровый образ жизни и отказались от продажи алкоголя?

И, по сути, все участники «круглого стола» констатировали, что эти нововведения «по интересам» охватывают лишь малую часть московской молодёжи, в основном людей с высшим или незаконченным высшим образованием, – в сумме несколько тысяч, когда в столице около миллиона людей комсомольского возраста:

Говорят, в Москве все люди грамотные. Это абстрактно. Анкета, проведенная “Комсомольской правдой”, показала, что десятая часть молодежи не читает газет. Люди, которые ничем после работы не занимаются, не увлекаются, более склонны к антиобщественным поступкам... Они околачиваются в подъездах, на площадках и в лучшем случае гоняют консервную банку.

А ещё такая «не охваченная молодёжь» предпочитает танцевать – кошмар какой! – твист и тому подобные разлагающие наше общество западные танцы...

И вот я, сотрудник отдела пропаганды, как бы ни с того, ни с сего заинтересовался... танцами. Нет, не учиться пошёл, не в танцевальную студию записался, а отправился в Измайловский парк, где «топчется» молодёжь. Хотя поучиться правильно танцевать надо было! А кто тогда умел? Редко, кто танцевал красиво. В основном, как я «мудро» выразился в своём юношеском дневнике, танцы – это публичный способ обнять девушку. Танцы-обжиманцы! Ну, и «тряхнуть костями»!

Мы даже открыли рубрику «Приглашение к танцу». Мол, редакцию спрашивают, где научиться танцевать модные танцы – сиртаки, медисон, например.

Внештатник «МК» Л. Росин увлекался темой культурного отдыха молодёжи и предложил какие-то свои рассуждения. Но материал в отделе не понравился, и подключили меня. Мы начали подготовку моим испытанным способом – анкетированием. При всей разнице публики на двух разновесных танцплощадках Измайловского парка (одна – под крышей, с туалетом и буфетом, другая – попроще, под открытым небом), все были не очень довольны примитивным топтанием.

Наше резюме в статье **«На полтинник культуры»** (8 августа 1967 г.) стало призывом к функционерам:

Комсомольские организации бьются над созданием молодёжных клубов, ищут для них помещения, ищут лазейки для новых штатных единиц, но, рождённые с невероятными усилиями, они гибнут, не успев преодолеть детские болезни. А здесь – коллектив с общими интересами... Почему же не продумать систему художественного воспитания на танцплощадке? Показывать выступления лучших пар Москвы, с помощью самодеятельных артистов разучивать новое, устраивать конкурсы.

Никакого официального ответа на нашу публикацию газета не получила. Да, и что можно было ответить? Да и кто? Безусловно, комсомол не случайно заинтересовался досугом молодёжи, в том числе танцами, так как увидел в этом буржуазное влияние (а оно всё более проникло вместе с музыкальными записями современных западных исполнителей). Потому и позволено было порассуждать о твисте и шейке. Но у комсомола были и «более серьёзные» задачи: сбор взносов и металлолома, организация соревнования за присвоение звания «бригада коммунистического труда», мобилизация молодёжи на ударные стройки и субботники, шефство

над школами и армией... Так что юные строители коммунизма сами выбирали, что танцевать, как танцевать, какую музыку слушать и любить, носить клёш или дудочки...

Конечно, тогда решительно боролись со стилиягами, которые увлекались всем западным. Об этом позорном действии комсомола недавно рассказал фильм Валерия Тодоровского «Стиляги». В общем-то, верно показана атмосфера тех лет. Однако представлять, что все комсомольские активисты ретиво гонялись за стилиягами, вырезали им чубы-коки, сдирали жёлтые пиджаки и брюки-дудочки, это было бы примитивно. Скажу о себе: когда я был комсомольским функционером, никогда этим не занимался и не поощрял эту «охоту». Я меня был друг – типичный стилияга. Комсомолец. Из бедной семьи. Но он, будущий архитектор, искал новые формы и оригинальные цвета одежды, которая своим однообразием нагоняла тоску на его творческую душу. У меня не было жёлтого пиджака, но вместо широченных шаровар я стал носить узкие тренировочные брюки. И за это улица стала меня называть стилиягой.

Но самые одиозные противники всего нового, усматривая идеологическую угрозу, и облавы устраивали на стилияг, и публично клеймили их: «Сегодня слушаешь ты джаз. А завтра Родину продашь». Однако предложить наиболее продвинутым ребятам что-то своё, равное по силе воздействия комсомол не всегда мог. Конкурентоспособные официозные песни были – Пахмутовой, Тухманова, «Самоцветов», но в танцевальной музыке – почти ничего. Юные тела предпочитали двигаться под шейк, твист, рок-н-ролл и прочие появляющиеся за кордоном новинки, а не под краковяк, вальс, даже если он был бостон. Даже танго и фокстрот уже не удовлетворяли.

Все эти новинки из «гнилого» Запада признавались идеологически вредными. Но побороть массовое увлечение не удавалось. Тому мешало появление магнитофонов и привезённых зарубежных записей. Особое беспокойство у идеологов вызывало увлечение транзисторами. Я сам лично слышал выступление высокопоставленного комсомольского функционера на каком-то совещании, который расписался в бессилии: «Они уходят со “Спидолой”, и что там слушают, под что танцуют, мы не знаем...» «Спидола» – спасибо Риге! – стала самым популярным радиоприёмником, поскольку питалась и от батареек. Можно было слушать, где угодно и что угодно – от «вражьих голосов» до «тяжёлого рока»...

Как эти опасения про неконтролируемое влияние Запада похожи на нынешние попытки ограничить интернет, который позволяет быть независимым от официальных предпочтений.

«Короли – рабочие, ферзи – комсомолки...»

Моим любимым занятием стало листать страницы старых газет. Подтолкнуло меня к этому чтение третьего издания собрания сочинений Ленина и книжки Герберта Уэллса «Россия во мгле», а точнее – приложений к основному тексту. Там приводились такие документы, исторические факты, о которых прежде, до хрущёвской оттепели, наше юное поколение не знало и не догадывалось. Особенно в глубоком неведении оставались те, у кого не было в семье участников революций, учёных и других интеллектуалов, которые знали истинную правду о событиях, могли хранить старые газеты и журналы, запрещённые книги.

К тому же была и практическая польза от такого чтения – для публикации в газете. Так, я подготовил тематическую полосу по страницам старых изданий – **«Здоровье молодежи – капитал революции»** (9 сентября 1967 г.).

Казалось бы, ну какое открытие я могу сделать, знакомясь с публикациями в большевистских газетах первых лет советской власти о физкультуре и спорте? А любопытного оказалось немало. Ведь официальную историю советской периода нам преподносили во многом иначе, чем она была на самом деле. Её приглаживали в соответствии с новыми требованиями. А публикации в старых газетах, даже в советских, были правдивее. Прочитую некоторые самые неожиданные и занимательные информации. В 1924 году «Красный спорт» писал:

17 января в кружке игр и праздников при ОППВ (опытно-показательная площадка Всевобуча) состоялось собрание, посвященное специально вопросу о месте и значении лаун-тенниса как спортивной игры.

С большим и содержательным докладом выступил проф. В. Гориневский – “Лаун-теннис с биологической точки зрения”. Он указал, что теннис имеет большую гигиеническую, педагогическую и воспитательную цель... Единственным отрицательным качеством тенниса профессор называет слишком малый риск в игре. Плохо именно то, что участник это сознает. Опасность же воспитывает волю и мужество.

Докладчику возражает С. Сысев. Он говорит, что игру нельзя оценивать лишь с точки зрения ее полезности. Теннис определенно индивидуальная игра. Здесь отсутствуют товарищество и коллективность – именно те, факторы, недостаточным развитием которых страдает русский человек. Теннис является вместе с тем самой дорогой летней игрой. Все эти мотивы говорят за то, что теннис в современных условиях не может и не должен получить в СССР такого распространения, как другие массовые, коллективные игры.

Что «не может» в бедной стране, с этим ещё можно было бы в тот период разрухи согласиться, а вот что «не должен» – это уж слишком по-большевистски. И ведь теннис действительно долгие годы никак не развивался в стране диктатуры пролетариата, его и по затратам и по отсутствию коллективизма признавали буржуазным занятием. Вот пирамиды устраивать – это пожалуйста: дёшево и коллективно. Это когда группа якобы гимнастов выстраивает на сцене фигуры из своих тел, забираясь один на другого. А ля гоп – пирамида готова. Покрасовались, спрыгнули, разбрелись – все довольны. И никакого индивидуализма. Будучи школьником, я не раз участвовал в таких пирамидах. Удовлетворения не получал. Какое-то скучное, инертное занятие.

Вот ещё экзотические виды спорта:

6 сентября в Москве на вновь оборудованном стадионе совторгслужащих имени Профинтерна состоялся первый профсоюзный праздник физкультуры [полагаю, автор слегка ошибся: не “на вновь оборудованном”, а – “на недавно оборудованном”: вряд ли такой стадион существовал до этого дня].

После приветствий на поле выкатили гигантский мяч – “пиббол”. Мяч выше роста человека. Приводится демонстрация новой, доселе не виданной игры.

Этот восторженный репортаж газеты «Известия спорта», опубликованный в 1923 году, раскрывает типичное двуличие отечественной политики. Совсем недавно большевики отразили нападения интервентов из капиталистических стран, а тут пропагандируют их игры!

То же издание далее пишет, как бы исправляя идеологический перекокс предыдущего абзаца:

На середине поля впервые в СССР состоялась игра «живыми шахматами», где фигурками были люди, одетые в красочные одежды. Играли т. Фрейдберг, металлист из Харькова, и Грязнов, текстильщик из Серпухова. Впервые были применены новые названия фигур: короли – рабочие, ферзи – комсомолки, слоны – краскомы, кони – всадники, ладьи – военморы, пешки – физкультурницы.

То, что подобными играми в «живые шахматы» увлекались шахи, падишахи и прочие кровавые тираны, авторам данной игры и публикации, кажется, невдомёк. Но зато «короли – рабочие» – это по-нашему, по-пролетарски! Вот только не понятно, как было отличить «ферзей-комсомолок» от «пешек-физкультурниц»? По интеллекту на лице, что ли?

Новый, революционно-пролетарский спорт разрушал прежние представления о морали, нравственности, стыде и скромности. «Комсомольская правда» в 1925 году нарисовала такую вот провинциальную картинку:

Престольный праздник “9-е Воскресенье” и большой базар в Юрьеве издавна собирают крестьянство со всей округи в город. Съезжаются за 20 – 30 верст...

Вдруг в толпу врываются непривычные звуки оркестра.... Головы всех поворачиваются в сторону звуков. Глаза впииваются в невиданное зрелище. Под звуки марша стройными рядами длинная молодая колонна загорелых ребят в трусиках пересекает базарную площадь.

– Бесстыдники, – говорит кто-то из эсенин.

– Вот так чудеса, – медленно соображает вслух подвыпивший мужичок.

– Ишь ты, без штанов, да с музыкой!

Деревенская молодежь, до того сонно бродившая, грызшая подсолнухи, взбудоражена. Всех невольно тянет пойти за складными ребятами – физкультурниками. Надо посмотреть. Ведь бесплатно. Да и с музыкой.

Коль зашла речь об одежде, продолжим тему. И вот что писала та же «Комсомолка» три года спустя:

Многотысячные массы зрителей, посетившие в эти дни наши стадионы, должны были бы следить не только за высотой прыжка, за скоростью бега – они могли видеть элементы нового стиля, воплощенные в жизни и в живом движении...

На всякую моду можно смотреть, как на стандарт. Эти моды диктует парижский портновский трест, требованиям которого мы пассивно подчиняемся. Эти требования нам чужды и во многом непонятны, поэтому так уродливо одеты люди.

Ну, что сказать на это? Вроде бы мы можем улыбнуться по поводу опасений и заблуждений автора. Вот только, похоже, что и ныне, в двадцать первом веке, чуть ли не сто лет спустя, вновь в нашем особливом Отечестве звучат голоса о происках «парижского треста», о том, что наши люди (о, ужас!) «пассивно подчиняются», что нам ихнее чуждо, непонятно и уродует нас...

Немало любопытного открылось мне и при подготовке полосы к пятидесятилетию «Великой Октябрьской социалистической революции» (подборка **«Революция – локомотив истории»** опубликована прямо в день юбилея, 7 ноября 1967 г.). Так, из воспоминаний Николая Подвойского, который в октябре семнадцатого года возглавлял Военно-Революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, делаешь вывод, что, вопреки ярким картинкам советских кинофильмов, большой битвы за взятие Зимнего не было. Многие защитники цитадели Временного правительства Керенского разошлись ещё до первых сим-

волических выстрелов по зданию. Лишь юнкера до последнего пытались защищать лидеров демократических преобразований в России. Но юных сопротивленцев было слишком мало...

По сути, прокоммунистическими агитками стали мои тематические подборки по старым газетам про создание комсомольских организаций на селе («**Первые борозды**», 18 июля 1967 г.) и об истории комсомольского билета («**От баррикад до Ангары**», 10 и 11 февраля 1967 г.). Они также были подготовлены в связи с полувековым юбилеем «Великой Октябрьской революции»). В этих моих публикациях ничего нового для более свежего осмысления событий не было. Я делал их в русле официальной пропаганды. Скажем, в сельской подборке я ни слова не упомянул о «головокружении от успехов» при массовой коллективизации, то есть, по сути, о насильственном создании колхозов. Однако некоторые детали той давней жизни были любопытны, хотя бы потому, что со временем большевики о многом старались умолчать или представить совсем в ином свете, чем было на самом деле.

К тому же эти мои материалы не были столь же «трескучими» и шаблонными, как если бы со своими воспоминаниями выступали участники тех далёких событий.

В историю комсомольского билета я вставил информацию о комсомольской путёвке. Тогда были на слуху призывы к молодёжи и отправка поездами («Едем мы, друзья, В дальние края») на целину, на «стройки коммунизма» Сибири и Дальнего Востока. Одна из самых известных строек – Братская ГЭС. Мне повезло, что одним из тех, кто туда поехал по комсомольской путёвке, был мой старый знакомый – Валентин Кузьмин, корреспондент Фотохроники ТАСС. По совместительству он был старшим пионервожатым подмосковного тассовского пионерлагеря, где я поработал одно лето. Не знаю, почему он, сдавая экзамены в театральное училище, в августе 1967 года, вдруг отправился на берег Ангары. Не помню причину такого крутого поворота, и в публикации я об этом не написал. На красочной путёвке я заметил коряво написанную простым карандашом букву «в». Оказалось, это – отметка, что обладателю сего документа выдали валенки...

«Искру» называли «Фёклой»

Любой человек должен уметь грамотно говорить, доказательно выступать на собраниях. Особенно – комсомольские активисты, лекторы. Хотя, конечно, эту статью – «**Запишите меня в Цицероны**» (20 октября 1967 г.) – я подготовил не для активистов, а для всех, кто хочет, чтобы его поняли, чтобы он повлиял на нужное ему решение. А грамотно, красиво и убедительно выступать тогда практически не умели. В лучшем случае – эмоционально, если ситуация была скандальной.

Помню, как сам я, оказавшись комсомольским деятелем, поначалу мучился на трибуне и мучил слушателей. У меня неплохо получалось доверительно поговорить с человеком тет-а-тет, но выйдешь на аудиторию и – поджилки трясутся, не могу подобрать нужные слова.

Поводом для публикации стали лекции по ораторскому искусству, организованные на философском факультете МГУ. Почему ребята заинтересовались этим непланным занятием?

«Иногда стою перед аудиторией – мыслей полна голова, а выразить точно не могу... Такой лекцией недовольны слушатели. И себя чувствуешь виноватым, словно я их в чем-то обманул», – объяснил один слушатель.

У другого иная, но не менее важная причина:

Я хотел бы стать научным работником. Мне придется отстаивать свои идеи... И в научном споре косноязычие может оказаться роковым для моих идей.

Третий студент проиллюстрировал надобность примером из преподавательской практики:

Вот сейчас была лекция... Очень нужная лекция. А как прошла? Скучно, да половину не поняли.

А вот мнение про комсомольских работников:

До чего же многие из них казенно говорят! Все их красноречие, весь пафос вкладывают только в одно слово: надо. Трибуна для них – место пытки.

И это, как я уже сказал, оценивая и самого себя, – истинная правда.

Преподаватель факультативного курса ораторского искусства зав кафедрой древних языков исторического факультета МГУ А.Ч. Козаржевский, во-первых, назвал свой цикл лекций иначе – мастерство устной речи, во-вторых, признался, что стал его вести совершенно случайно, это не по профилю его кафедры. И курс – экспериментальный, единственный в Москве, а может, и в Союзе (потому мы, газетчики, и заинтересовались им!), и во многом преподаватель ведёт его на ошупь. К тому же практически не было тогда «наглядных пособий» – записанных выступлений лучших ораторов мира, или они были очень низкого технического качества.

Козаржевский напомнил, что в истории московского университета был период, когда обучали «цветам красноречия», то есть как употреблять метафоры, эпитеты, гиперболы и т. д. И добавил:

Сейчас при запущенности культуры устной речи, одних «цветов» мало. Студентам я расскажу и о технике речи (дыхание, голос, дикция), и о культуре (орфоэпия, грамматика), и о стиле. И даже о внешнем виде.

Тема эта показалась нам в редакции интересной, перспективной – нам всем тогда не хватало культуры публичного общения, и мы вернулся к ней, опубликовав в «толстушке» «МК-воскресный» статью «**Инкрустация речи**» (3 декабря 1967 г.). Здесь я в соавторах. Материал внештатника оказался лишь набором любопытных фактов, но без обобщений и, главное, ужасно написанный. Ну, как говорить о культуре речи так неинтересно! Я его переписал, придумал этот заголовок и добавил какие-то любопытные детали: не шедевр, но и не дерьмо. Таким образом мы продолжили разговор об использовании интересных исторических фактов, крыла-

тых слов, пословиц и поговорок – будто организовали заочную школу ораторов. Хотя, как мне помнится, это была последняя публикация этой «школы», так как вскоре я покинул «МК».

Из всех фактов «инкрустирования» меня удивил только один, про который я тоже не знал: оказывается, большевики для конспирации называли свою газету «Искра» «Фёклой».

Не знаю, как эти публикации о культуре речи повлияли на читателей, но я многое взял на заметку. И это помогло мне, когда я избирался и потом работал депутатом.

Двенадцать компромиссов Сергея Довлатова с советской действительностью...

Признаюсь, корреспонденция «Незапланированная песня» (6 января 1968 г.) – это мой позор, мой компромисс.

Мне дали очень ответственное задание – рассказать о Мытищинской городской комсомольской конференции. Ответственное – потому что оно было на контроле областного комсомольского начальства.

В каждом районе области и столицы проходили такие отчётно-выборные конференции. Ежегодно. И ничего особо нового в молодёжную среду они не приносили. Этские традиционные междусобойчики. Но «МК», являясь официальным органом двух комитетов – городского и областного, обязан был освещать эту кампанию. Но кому охота писать о заранее срежиссированном мероприятии? Редакция не проявляла большого интереса к этим функционерским делам. Однако отчёты давать надо было, комсомольские руководители постоянно напоминали об этой обязанности газеты-органа. Почему выбирали тот или иной район, оставалось тайной. Предполагалось с позором прогнать прежнее руководство? Или, напротив, кого-то надо приподнять над функционерской средой: для примера, для того, чтобы проторить дорожку вверх перспективному руководителю? Или ещё по какой-то неведомой журналистам причине? Так что и я не знал, почему выбрали именно Мытищи.

Никаких особых напутствий мне не дали. Поехал, посидел, послушал, написал отчёт. Так сказать, пришёл, увидел и... не победил. Я позволил себе наряду с формальной констатацией, кто выступил и что говорил, о чём-то критически отозваться. Смутно вспоминаю: отметил, что много звона и мало деловитости. Беззлобно, но зацепил. И вдруг... Появилась она. Старая знакомая.

Оказывается, куратором этой конференции была Алла Северина. Бывший секретарь Фрунзенского райкома комсомола, где я когда-то работал и откуда ушёл от этой далеко не умной функционерки со скандалом. Она, теперь работник вышестоящего комсомольского органа, позвонила в редакцию и попросила показать мой отчёт до публикации. Я не знаю, согласился бы на такую цензуру Алексей Флеровский или нет. Но его уже сняли. А оставшийся у руля «МК» Александр Шифрин беспрекословно подчинился. Впрочем, думаю, и Флеровский не полез бы на рожон из-за рядового отчёта о рутинном событии.

Мне было крайне неприятно вдвойне. Во-первых, меня никто до тех пор таким способом не инспектировал. Во-вторых, этого потребовала именно Северина. Возможно, она специально настояла на предварительном знакомстве с текстом, когда узнала, что именно я автор.

Ей, конечно же, не понравились мои замечания о конференции, и она потребовала кое-что убрать. Это естественно: любая критика мероприятия, за который она отвечает, ей в минус. Я, сжав скулы, выслушал, но ничего не пообещал. Ведь я же ничего не соврал, написал, как было. Однако Шифрин сказал: надо! Я, тогда ещё начинающий журналист, не посмел ослушаться. Поправил текст, зализал «шероховатости. Мне было стыдно за своё малодушие.

Хотя, может, иногда, когда против лома нет приёма, лучше пойти на компромисс? Тем более что в данном случае я никого не облил грязью «по заданию», никого и не возвеличил незаслуженно, в общем я не соврал... Я просто умолчал кое о чём...

Просматривая теперь этот номер «МК» я обратил внимание на нижестоящую официальную подборку «Пленум ЦК КПЧ». Брежнев направил Александру Дубчеку поздравление с избранием его руководителем чехословацких коммунистов. В нём, к примеру, Ильич заверяет: «существующие между нашими странами отношения братской искренней дружбы... будут и дальше крепнуть и развиваться...» А в тассовской биографии Дубчек, который, кстати, учился в советской школе, выглядел прямо героем, ну хоть премию мира вручай. До чего наши отно-

шения «развились», мы узнали тогда через семь с половиной месяцев, когда в «братскую» страну вошли советские танки. Дубчек не проявил тогда твёрдости, не отдал приказ защищать страну от вероломных захватчиков, он пошёл на компромисс. И он оказался прав: живы сограждане, не разрушены родные города. А могучий Советский Союз развалился, рухнув под обломками коммунистической системы. Может, и правда – иногда компромисс лучше упёртости? И не так важно: касается этот компромисс целой страны или только заметки об одном районе, важнее – последствия...

Сергей Довлатов в автобиографическом рассказе поведал читателям о двенадцати своих личных компромиссах с советской действительностью. Он беспрекословно выполнял редакционные задания, писал то, что от него ждали, порой вопреки реальной ситуации. О компромиссе по мытищинскому материалу я только что рассказал. Но двенадцать компромиссов я не насчитал в своей практике. Тут две причины.

Первая и главная: я в отличие от Довлатова был добровольной частью этой системы, не по принуждению. Напрямую тогда не конфликтовал с ней. И заранее знал, о чём можно писать, о чём нельзя.

И вторая, тоже очень важная: я, конечно, мог о чём-то умолчать, но написать заведомую неправду по поводу конкретных событий и лиц не стал бы ни под каким давлением. Даже ценой наказания. И я всей дальнейшей журналистской работой это доказал. Можно даже в жёстких цензурных и идеологических рамках оставаться самим собой, не подличать, не гадить. В этом смысле совесть моя чиста. А то, что я не разоблачал советский строй, – это было тогда не по моему уровню знаний и взглядов.

Но в меру своих пока ещё ограниченных творческих возможностей и понимания профессии журналиста, как борца с недостатками, я пытался освещать негативные стороны жизни с первых своих материалов в «МК». Не всей, конечно, жизни – на это я ещё не мог покуситься, а – только комсомольской.

Я сначала придумал этот заголовок – «**Лебедь рак и... скука**», а потом, набрав фактов, написал статью (30 мая 1967 г.). Проблема мне была хорошо известна. Райкомы комсомола в основном работали с крупными организациями. Достаточно дать команду, скажем, комитету комсомола Завода имени Лихачёва, и он обеспечит явку десятков человек на любое мероприятие: субботник, спортивный парад, встречу с иностранными гостями... Кто организует громкую, на всю Москву, а то и на всю страну какую-нибудь акцию, патриотический почин? Конечно, организации, где сотни и даже тысячи членов ВЛКСМ. Но в любом районе столицы были сотни предприятий и учреждений, где насчитывалось лишь по десять – двадцать комсомольцев. Формально, для отчёта, там можно раздать всем по поручению: кто-то отвечает за выпуск «комсомольского прожектора», кто-то за сбор металлолома, кто-то – за шефство над... Над кем или чем угодно. И отчитаться о «проделанной работе». Но в результате никакой дружбы, никакого единства, общих интересов в такой первичной организации нет. Каждый тянет в свою сторону, как герои крыловской басни. И таких организаций в стране было большинство...

Вызвало у меня критическое отношение и работа комсомольской организации Математического института имени Стеклова. Строго говоря, я и не анализировал их работу. Чего анализировать, о какой общественной работе можно было говорить, если собрались комсомольцы лишь второй раз за год? Теперь – на отчётно-выборное собрание. Собрались, а о чём поговорить, не знают. За двадцать минут успели и отчёт секретаря выслушать (о шести проведённых мероприятиях), и выбрать новый состав комитета комсомола. А потом целый час члены комитета ломали голову, кого же избрать своим вожаком. Пользуясь своими познаниями математики на школьном уровне, я изобразил ситуацию в виде задачи:

Дано: 39 человек на комсомольском учете, из них два научных сотрудника, остальные аспиранты.

Требуется:

– первое – извлечь корень зла, второе – найти «Х», то есть подходящего секретаря.

...Корень зла извлечь не смогли. «Х» нашли примитивным школярским способом – подогнали под ответ.

Использовал я математический подход и к названию статьи – **«Изолированные точки»** (28 ноября 1967 г.). Есть такое научное понятие. Оно подошло для характеристики комсомольской организации стекловцев. Уж слишком изолированно друг от друга существовали они, чтобы иметь общие интересы и дать объективную оценку избранным активистам.

После моей публикации «математики» пришли в редакцию жаловаться на меня. Их обидело не жёсткая оценка их бездеятельности, а приведённые мною критические, саморазоблачающие высказывания самих же участников собрания. Выслушав их претензии, замглавреда Шифрин спросил у меня: «Их высказывания зафиксированы у тебя в записной книжке?» Услышав утвердительный ответ (диктофонов-то тогда не было), он успокоился. А что касается сути – формализма во многих, если не в большинстве, небольших комсомольских организациях, так это было общеизвестно. В том числе и самим функционерам, только публично, особенно в прессе, говорить об этом они не стремились. А я говорил... При этом не будучи противником комсомола вообще. Скорее, сторонником, но меня удручала массовая пассивность молодёжи...

За что сняли Алексея Флеровского?

Комсомол тогда процветал, властно распоряжался своими газетами. Хрущёвская оттепель во второй половине 1960-х годов сводилась на нет, и попытки Флеровского очеловечить «МК», подвигнуть читателей к размышлениям, встречались с каждым днём всё настороженнее, всё враждебнее. Флеровского вызывали на комсомольский «ковёр», предупреждали, но он не шёл на компромисс, не менял редакционную политику, и нашли предлог его уволить.

По моим сведениям, уволили за киношный материал, опубликованный в «МК» 5 февраля 1967 года. Автор Сергей Чудаков написал статью «Вкус и мера “Шантеклера”», в которой разругал на шумевший тогда музыкальный испанский фильм «Королева “Шантеклера”». Но причём тут страсти вокруг судьбы певички кабаре и советская действительность?

Прежде всего, дело в том, что Чудаков уже был на примете у идеологов КГБ своей робкой попыткой давать оценки нашей жизни в иной интерпретации, чем велит партия. Он писал стихи не в русле правящей идеологии и печатался в Самиздате. Слышал я также, что он дал интервью какому-то западному телеканалу, без разрешения инстанций – тогда это было равносильно предательству! Да ещё на фоне мусорного ящика! Если уж сейчас мусоросборочные места не украшают столицу, особенно когда задерживаются с их очисткой, то можете себе представить какая это была клоака – деревянные короба, переполненные отходами и окружённые стаями собак и ворон! В общем, опозорил Чудаков родной Советский Союз, «пятая колонна»!

Так что к его публикациям присматривались с особым тщанием и в кинокритической статье якобы обнаружили выпады против нашей социалистической действительности. Я эту статью тогда перечитал несколько раз и ничего крамольного (даже при моём ещё не выветрившемся комсомольско-функционерском сознании) в ней не нашёл. Но, как говорили в редакции, идеологические цензоры узрели негатив во фразе, что по сравнению с Испанией у нас климат холодноват. Приведу её дословно, благо эту статью теперь воспроизвели в «Живом журнале»:

Нет, наличие определенных приятностей в “Шантеклере” я не хочу отрицать. Краски, глазки. Здоровые, приятные люди в ситуациях волнительных или разнеживающих. Вообще после двадцатиградусного мороза ни на что смотреть не хочется, как только на пейзажи курорта – Сан-Себастьяна.

Говорили, что слова о морозе в нашей стране восприняли, как намёк на плохую политическую погоду в СССР! И вообще тут заметили желание покинуть родину. Идиотизм...

Конечно, намёк скорее всего был: ведь как-то же надо было инакомыслящим авторам изловчиться, чтобы сквозь партийно-цензорское сито протащить хотя бы одно зёрнышко правды, хоть малую частицу своих мыслей, своих идей, своих надежд на демократизацию. Может, потому и была журналистика в советское время с точки зрения языка и фабулы более тонко выстроенной, более грамотной, более отточенной, чем сейчас, когда статью можно слепить за полчаса, не слишком-то заботясь о «великом русском языке» – лишь бы чем-то зацепить внимание читателя, даже откровенным враньём, даже нецензурщиной, даже плагиатом...

А может, не понравились вот эти слова Чудакова, уничижающие советское кино:

С чем сравнивает этот фильм загнивающий и мизантропизированный им зритель? С осадком впечатлений от среднестатистического фильма в нашем прокате. А каким словом характеризуются наши среднестатистические фильмы? Увы, очень часто словом “посредственный”.

Впрочем, есть и другая версия недовольства высоких идеологических инстанций статьёй в «МК». Говорят, будто бы этот фильм был снят на деньги Испанской компартии, которая хотела от её проката подзаработать средства для своей подпольной деятельности при диктаторском режиме генерала Франко. А резкая критика Чудаковым этой примитивной киноистории якобы могла нанести материальный ущерб, и испанские коммунисты пожаловались в Москву.

Сомнительная, на мой взгляд, версия, так как рецензия молодёжки с ограниченным ареалом распространения и с относительно небольшим тиражом, вряд ли могла повлиять на прокатный результат. И фильм-то всё равно уже шёл по всей Стране Советов и с большим успехом.

Появлялся и такой намёк. Некоторые люди, хорошо знавшие Чудакова, утверждали, будто он – сын генерала КГБ и сам был осведомителем этой организации. И что эту публикацию он затеял в провокационных целях, дабы был повод для снятия Флеровского. К сожалению, самого Алексея Ивановича я так и не расспросил об истории его снятия.

А Чудаков, подававший надежды как поэт (о его стихах хорошо отзывался Иосиф Бродский), так и не смог при жизни в полной мере опубликоваться. В 1974 году его арестовали и признали невменяемым, отправили на принудительное лечение в психушку. Потом ещё он попадал в психиатрическую больницу. В 1997 году умер от сердечного приступа на улице. Рассказывают, накануне он продал свою квартиру на Кутузовском проспекте (!) и остался бомжом...

Когда сняли Флеровского, я вслед за некоторыми другими сотрудниками «МК» заторопился поискать иную редакцию. Меня удерживали. Намекали на повышение, и даже на то, что при моём комсомольском прошлом быть мне замом главреда. Да, комсомольские функционеры ценились в комсомольских газетах. Недаром же главными редакторами «МК» впоследствии становились выходцы из комсомольских органов: Аркадий Удальцов, Евгений Аверин, Павел Гусев... В данном случае я не оцениваю их деловые и творческие качества.

Уговорам я не поддался, посчитал, что уже окончательно вышел из комсомольского возраста. Хотя возраст тут не причём: в «МК» работали и до самой пенсии. Просто об административной карьере в журналистике я ещё не помышлял. Да и работа в региональной молодёжке считалась тогда лишь некой ступенькой перед большой журналистикой. «МК» был базой для пополнения рядов многих более статусных изданий тех лет. Мне хотелось увидеть другие горизонты, расширить кругозор, быстрее стать более профессиональным журналистом и, чего греха таить, больше зарабатывать. И такая возможность мне представилась в Агентстве печати «Новости».

АПН – агентство советской пропаганды

«Бди!»

Козьма Прутков.

АПН называли «могилой неизвестного журналиста», поскольку большинство сотрудников работали не на внутреннего читателя. Это была пропагандистская машина для создания благоприятного образа СССР за рубежом. Как в дружеских «странах народной демократии», так и в сугубо «враждебных» – капиталистических.

Но было одно неоспоримое творческое преимущество работавших там: дозволялось и даже поощрялось касаться таких щекотливых тем, проблем нашей жизни, о которых для внутреннего потребления писать было запрещено или, если разрешали, то с «правильным» освещением темы. Чего же скрывать от западного и даже от восточноевропейского читателя наши болячки, которые им были хорошо известны из вполне достоверных, не советских источников? Благодаря этому мы, журналисты АПН, получали больше информации (например, из специальных выпусков ТАСС), чем работники сугубо внутренних изданий. Глубже влезали в советскую проблематику. Это развивало кругозор. Помогало снимать шоры...

Кроме того, в АПН я научился редактировать чужие материалы. Главной нашей повседневной задачей было не написать что-то своё, оригинальное, а подготовить чужое. Мы использовали не только заказанные нами статьи журналистов и писателей, но и вырезки из любых изданий. Резали их, как хотели, подделывали под вкусы зарубежных читателей, которые не любили длиннот, пустобрёхства. Главное для них: факты и мнения авторитетных людей. Выжимали всю советскую водичку, которой любили развлекать нашенские авторы и которая мешала читателям добраться до сути проблемы.

И это в дальнейшем мне сильно пригодилось: беглого взгляда было достаточно, чтобы увидеть и грамматические огрехи, и лишние слова. В чужих материалах, в своих же – это проблематичнее. Что, боюсь, заметно, и по тексту этих моих воспоминаний.

АПН создано на базе Совинформбюро, которое появилось через два дня после нападения нацистской Германии на СССР и обеспечивало выверенной информацией о ходе войны, чтобы, несмотря на сокрушительные поражения Красной Армии и её гигантские потери в первые месяцы, во всем мире, а в нашей стране тем более, должны были верить: СССР победит.

Несмотря на то, что АПН называли «могилой неизвестного журналиста», тем не менее высокие по советским меркам гонорары и оклады, а также возможность поработать за рубежом привлекали людей. Устроиться туда можно было только по протекции. Меня перетащили Борис Алексеев, выходец из «МК», и тот же Лёня Коренев.

В силу престижности АПН туда охотно пристраивали детей и жён из именитых семей. Так, в нашем отделе работала жена кинорежиссёра Вениамина Дормана, прославившегося фильмами о резиденте.

Рядом со мной сидел Александр Губер – никогда не унывающий балагур. Сын дворянина (!), академика, известного советского востоковеда, а потому не случайно, что Саша специализировался на Вьетнаме. Несколько лет работал там собкором. При мне редактировал ежемесячный журнал «Лиен Со», который АПН выпускало для вьетнамского читателя. Рассказывал нам про эту бывшую французскую колонию, разделённую на две идеологически противоположные части. Саша побывал в боевом отряде, маршировал с ним в джунглях. Сам парень крепкий, крупный, он был поражён выносливостью внешне хилых, тощих бойцов. Они могли долгими часами тащить на себе немалые тяжести, а он, такой большой, выдыхался и без груза. Саша объяснял эту выносливость, помимо тренировки конечно, ещё особенностью их ходьбы. Она

была пружинящей. Вьетнамец как бы приседает на ноге, а потом ему легче разогнуть мышцы и толкать вверх тело и груз.

Я подружился с писателем Виталием Новлянкиным. Он сочинял юморески и микробасни. Помню такое: «Юла учила молодёжь: “Пока юлишь – не упадёшь”». Миленко, мне понравилось и запомнилось на всю жизнь. Но за микробасни платили микрогонорары. Они же были построчные – сколько строк накропал, за то и получай. А строк – кот наплакал. На такие доходы не проживёшь. И Новлянкин, потрудившись на поэтическом поприще и изрядно отощав, периодически устраивался в какое-нибудь СМИ на год – два, дабы пополнить семейный бюджет и потом какое-то время более или менее сносно просуществовать...

Но самой желанной целью работы в АПН было добиться права поработать за границей. Работа за рубежом – это не только экзотика, но и хорошие доходы – иностранная валюта, бонусы для «Берёзки» (закрытая спецторговля для иностранцев и для владельцев не рублей), закордонные шмотки, которые можно выгодно перепродать в советском раю.

Чтобы попасть за границу, надо было знать иностранный язык, а лучше – несколько. Английским я владел слабо. Взяться за польский. Ведь я же работал в Главной редакции социалистических стран. А главной соцстраной для нашей редакции была Польша. Мы для поляков выпускали еженедельный иллюстрированный журнал «Kraj Rad» («Страна Советов»). Что-то типа отечественного «Огонька».

Однако даже если и не представится возможность поехать за рубеж, знание языка было полезно с материальной точки зрения – за каждый язык давали десятипроцентную надбавку к окладу. Правда, вся суммарная прибавка не могла превышать двадцать процентов, если даже ты и полиглот.

Языком занимались в рабочее время. Преподавателем у нас была настоящая пани – полячка, эмигрировавшая из Польши вместе с семьёй, когда их страну захватили нацисты. Интеллигентная женщина, переводчик, хорошо владела и русским языком. К сожалению, я успел позаниматься лишь два месяца, но уже хорошо понимал преподавательницу, а она на занятиях говорила с нами только по-польски!

Однажды я ездил в составе представителей АПН в посольство Польши. Там мы по-дружески, бесплатно одалживали польские фильмы, которые были отдушиной в тесном социалистическом кинореализме. Некоторые фильмы уже демонстрировались в кинотеатрах и были чрезвычайно популярны (типа «Пепел и алмаз», «Рукопись, найденная в Сарагоссе» и др.). Но в посольстве были и такие ленты, что ещё не успели дойти до широкого советского зрителя или вовсе не получили одобрения на прокат. Мы как раз и приехали к польскому атташе по культуре (располагался неподалёку от Патриаршего пруда), чтобы заполучить новинку. Нам предложили полуэротический фильм «Амазонки». Мы, конечно, согласились. Во время беседы я, сам на то не обратив внимания, живо реагировал на разговор и даже вставлял короткие реплики. Зато на это обратил внимание мой апээновский начальник: «Да ты уже освоил польский?!»

Жаль, что мой уход из АПН помешал полному освоению польского языка, который мне очень нравился.

Но мы не только польские фильмы смотрели, нам привозили и американские. Помню, на меня произвела жуткое впечатление лента «Рождённые обречёнными». Сюжет, как потом, после падения «железного занавеса», выяснилось, традиционный для Голливуда. Банда беспредельщиков терроризирует маленький городок, насилует и убивает ни в чём не повинных людей или повинных в том, что не попытались противостоять этому террору. Показано эффектно, натуралистично. Таких откровенных сцен насилия в советском кино не допускалось. Я был в шоке. И после просмотра у меня невольно вырвалось весьма патриотичное: «Как хорошо, что мы живём в Советском Союзе!». И это даже несмотря на то, что показали хеппи-энд в

голливудском стиле: в городке нашёлся герой-одиночка, и в конечном итоге он расправился со злодеями!

Увы, при отсутствии правдивой информации о разгуле преступности в СССР, мы в Москве жили в некоторой изоляции от провинциальной действительности, где разгул преступности не уступал американскому, однако героев-спасителей практически не находилось, поскольку правоохранные органы (чтобы там ни говорили защитники СССР) не справлялись со своими обязанностями или так же были повязаны с криминалитетом, как и сейчас, а на судей тоже давило телефонное право, особенно когда задевались интересы государства, органов власти или их отдельных представителей. Всё было шито-крыто. Это с одной стороны.

А с другой, – голливудские страсти и настоящая повседневная жизнь в США; это, как говорят теперь не только в Одессе, две большие разницы. Не потому что в Америке нет преступности, просто там, при всех демократических свободах, борются с ней эффективнее, чем у нас. Но об этом я узнал, только когда побывал в США.

Поскольку АПН было связано с границей, то оно находилось под контролем КГБ. Прямые контакты с этой конторой касались только тех, кто работал за рубежом или собирался туда. Поскольку я не доработал до такого варианта, никаких контактов со штатными представителями КГБ у меня не было.

Зато были контакты с некоторыми знаменитостями. Обычно – мимолётные. Так дважды довелось пожать крепкие руки космонавтов – Германа Титова и Павла Поповича. Они в сопровождении руководителя нашей Главной редакции приходили к нам как почётные гости. И был более долгий контакт с Вольфом Мессингом. Не рукопожатный, не персональный, а массово-публичный.

О фантастических возможностях этого легендарного человека тогда были наслышаны практически все, но подробности его жизни скрывались. Это потом мы узнали, что его жизнь каким-то невообразимым сюжетом была связана и с нацистской Германией, и с самим Гитлером, и с не менее опасным тираном Сталиным. Так, Мессинг якобы предупредил Сталина о катастрофе самолёта, в котором должен был лететь его сын. Заботливый папаша побеспокоился о сыночке. А самолёт действительно разбился, погибла вся футбольная команда ВВС, где командовал тогда генерал Василий Сталин. Но это не спасло Мессинга от преследований и за «неправильное» прошлое, и за то, что он знал лишнее, и за то, что вёл «антинаучную» деятельность. Ему запретили выступать официально, и всё, что ему оставалось, – бывать в трудовых коллективах по приглашению. За профсоюзные копейки...

Зал АПН был заполнен до отказа. А помещалось там не менее трёхсот человек. Экстрасенс демонстрировал свои обычные способности: Мессингу завязывали глаза, что-то прятали в кармане у одного из зрителей, сидевшего в середине зала, он, конечно, находил – под всеобщий вздох удивления и одобрения. Потом на сцену вызывали добровольцев, которые под влиянием Мессинга застывали, будто от внезапно охватившего их сильного мороза. Потом он «оживлял» их.

На провокационный вопрос, а может ли он усыпить весь зал, Мессинг решительно заявил, что может, но это ему запрещено. Его упорно уговаривали. Тогда он согласился на частичное усыпление. Он стал посылать невидимые сигналы нервическими движениями своих старческих рук. Зал постепенно затихал. Я увидел, что многие из моих соседей уже склонили обессиленные головки на грудь. Что-то давило и на меня, но я не поддался. А потом Мессинг освободил зал от своего гипнотического влияния, и все зашумели, стали делиться впечатлениями от пребывания в насильственном сне.

Позже я ещё раз убедился, что с трудом поддаюсь демонстрационному гипнозу. Была ещё одна встреча с экстрасенсом, в другой редакции. Зал «уснул», а я просто почувствовал себя плохо и вышел, так и не уснув. Некоторые специалисты утверждают, что нет людей, не поддающихся гипнозу. Возможно. Но, вероятно, это зависит от человека и конкретной ситуа-

ции: если ты сознательно сопротивляешься воздействию, тебя одолеть не так-то просто, а если ты расслаблен, потерял контроль над реальностью, то ты можешь и сам себя загипнотизировать. Иначе чем объяснить глупейшее, неподконтрольное поведение даже разумного, добропорядочного человека в некоторых ситуациях?!

Из творческих будней в АПН запомнилось не многое. Первой моей успешной акцией стала серия материалов под рубрикой «Первый экспонат». Идея не моя, но она действительно интересна. Так, ленинградский собкор сообщил, что кунсткамера была заложена Петром Первым на месте и по поводу находки сосны, которая сама себя закольцевала. Бывает такое в растительном мире. Почему-то сук, совершив кольцевой поворот, слился в экстазе со стволом.

Информация из Магадана всех рассмешила. Самым первым тамошним экспонатом оказался суслик, или по-местному евражка. В музей он попал как очень древнее и оригинальное животное, сумевшее приспособиться к исключительно суровым местным условиям, в зоне вечной мерзлоты.

Неожиданными даже для самих журналистов оказались материалы о собаке с двумя головами и о терменвоксе. Собачку нашли в Биологическом музее Москвы. Естественно, уже чучело. Вторую голову ей пришил знаменитый советский учёный Владимир Демихов. Он одним из первых в мире занялся трансплантологией. Собакам пересаживал сердце, печень и дважды пришивал вторую голову. Его достижения признавались во всём мире. Вот только в нашей стране он не нашёл достаточной поддержки своим выдающимся экспериментам. Учёный тяжело переживал травлю и довольно рано получил инсульт.

Электромузыкальный инструмент терменвокс был создан ещё в 1919 году. Его изобрёл Лев Термен. Ему удалось продемонстрировать этот оригинальный инструмент Ленину. Изобретатель сам исполнял на нём классические произведения – Глинки, Сен-Санса, Скрябина... Терменвокс дожил до нашего времени, активно используется для извлечения оригинальных звуков. Мелодия возникает не от нажатия каких-либо клавиш, а от движений рук в электромагнитном пространстве.

Готовил я материалы и на более серьёзные темы. Например, на модную тогда в нашей стране тему о дискуссионных клубах. По сути, я продолжил то, что начинал освещать ещё в «МК». Статье я дал неплохой, на мой взгляд, заголовок – «О **брюках клёш и смысле жизни**». Он, так сказать, показывал диапазон дискуссионных тем в нашей стране. Однако смелая в определённой степени для советской действительности тема (мало ли куда заведут эти дискуссии и дискуссионные клубы?!) даже для «социалистической» Польши, например, где дискуссионность была частью общественной жизни, не была откровением. Что уж говорить о дискуссиях, если члены Польской объединённой рабочей партии после своих собраний, не боясь быть исключёнными, ходили в костёлы. Об этом мне рассказал высокопоставленный член ПОРП, приезжавший в СССР как турист.

Да, уровень общественного сознания в СССР и «странах народной демократии» сильно отличался. Несмотря на притеснения инакомыслящих и в Восточной Европе тоже, там ситуация была несравнима с нашей закупоренной тоталитарной системой. Там люди ещё помнили довоенное время, когда жили в относительно демократических условиях, по крайней мере, при частной собственности и многопартийности. Свежи были и воспоминания о кровавом подавлении восстаний против советской деспотии в этих «странах народной демократии» в 1950-е годы. Плюс ещё не выветрившийся европейский менталитет. Всё это не могло не сказаться и на правящих коммунистических партиях. И случилась «Пражская весна». Я оказался свидетелем советской пропаганды на чехословацкой земле, по сути, вмешательства во внутренние дела другого государства.

Одного из наших опытных сотрудников по фамилии Чернов откомандировали на спецзадание. Он занялся выпуском газеты на чешском языке «Тыгодник актуалити». С кем он его готовил, не знаю. Это происходило вне стен нашей редакции. Но в наших комнатах вдруг

появились кипы этого издания, которого до августа 1968 года у нас не было. Газета, естественно, пропагандистская, рассказывающая «правду» о чехословацких руководителях, их «предательстве» – ревизионизме и прочих грехах. Как будто сами чехословаки не знали, кто такой новый генеральный секретарь Компартии Александр Дубчек и его соратники, что они предлагают, от каких коммунистических идей (тоталитарного толка!) они хотят отказаться, какие меры по демократизации предлагают. Как видно из кинохроники тех лет, чехословацкий народ поддерживал перемены нового руководства страны и враждебно встретил войска «освободителей» – из стран Варшавского договора.

Чернов, одетый в офицерскую форму, отправился в норовистую страну с пачками свежеспечённой газеты. По возвращению он не очень охотно делился впечатлениями, потому что радости от этой командировки не испытывал. Вероятно, понял, что наше вмешательство во внутренние дела страны, которая хотела гуманистических перемен, но вовсе не выхода из «лагеря социализма», оказалось чрезмерным, а приезд незваного «московского гостя» с пачками никому там не нужных газет оказался пустопорожним.

Во время «защиты социализма» в Чехословакии к нам зашёл наш давний автор – фотокор «Комсомолки». С перевязанной головой. Он рассказал, как въезжал в Чехословакию на танке вместе с советской колонной. С каким хлебом и с какой солью встретил «освободителей» братский народ.

Александр Дубчек поступил мудро. Он распорядился, чтобы их войска не оказывали военного сопротивления. И действительно, практически не было инцидентов с военными. Но гражданские вели себя так, как посчитали нужным.

Колонна, в которой ехал фотокор, пересекала горную местность. По очень узкой дороге. Я ездил на машине по Чехословакии, и всегда удивлялся узости и извилистости их дорог. У меня сердце замирало, когда наш автомобиль, ведомый опытным местным водителем, круто заворачивал вдоль скал. И хорошо представляю состояние советского водителя первого в колонне танка, когда он на полном ходу чуть не раздавил людей, перекрывших дорогу за очередным крутым поворотом. Это были не военные – гражданские, в том числе женщины и дети. То ли от слишком резкого торможения, то ли водитель предпочёл не давить людей, и танк свалился под откос. Остальные машины резко застопорили. Наш знакомый фотокор стукнулся головой о танковую броню. Такой вот «хлеб с солью»...

Ровно десять лет спустя, в августе 1978 года мы с женой и ещё одной семейной парой приехали в Чехословакию по приглашению здешних друзей. Недели полторы они возили нас по стране, показывая достопримечательности: Карловы Вары, Марианские Лазни, замки, ну и, конечно, Братиславу и Прагу. Нас познакомили с изготовлением пива на заводе, которому в тот год исполнилось шестьсот лет! Мы посетили частные питейные заведения. В одном – весьма скромном, без изыска – пивном ресторане местные сельские жители справляли свадьбу. И везде, не опасаясь и не понижая громкость, мы говорили по-русски. Нас никто не оскорбил. В нас никто не плюнул, не кинул гнилой помидор. С нами говорили приветливо. И это – с представителями страны, поправшей их свободный выбор!

Один из новых братиславских знакомых оказался каким-то руководителем научно-исследовательской организации (то ли административным, то ли партийным). Он признался нам, что накануне их собирало городское руководство и просило проявить бдительность, чтобы не случилось никаких не разрешённых выступлений, провокаций. И в целом обстановка была вполне удовлетворительная. Власть, конечно, перестраховалась. Непосредственно в годовщину вторжения в ЧССР войск Варшавского договора на улицах Братиславы мы видели три грузовика, в открытых кузовах которых сидели вооружённые солдаты. Машины проехали по городу, и это всё, что напомнило о трагедии десятилетней давности.

Я понимаю разницу между Словакией и Чехией. «Заварушку» с «пражской весной» в основном затеяли чехи. Словаки всегда терпимее относились к СССР, и они спокойнее вос-

приняли замену руководства тогда единого государства. Но и в Чехии, насколько я знаю, не было в 1978 году никаких эксцессов. Дело даже не в том, что спецслужбы задавили (вероятно, не без этого) возможные проявления недовольства, а просто у населения этой страны ещё оставались тёплые чувства к нам, как к освободителям от нацизма в 1945 году. Так зачем же надо было танками подавить волеизъявление братского народа, пожелавшего построить социализм с человеческим лицом под руководством Коммунистической (!) партии? И чего удивляться, что впоследствии, при первой же реальной возможности рухнули и Варшавский договор, и «дружба навеки» с нашей «великой державой», и уплыли обе части бывшей Чехословакии в Европейский Союз и под крыло НАТО?

Недавно я услышал от одного знакомого, побывавшего в современной Чехии, что, мол, всё больше появляется доказательств, будто в том далёком 1968 году «Пражская весна» произошла при поддержке ЦРУ. Старые песни о главном! Как где народ выступает против тоталитарной системы, так там нашим пропагандистам видится «рука Вашингтона». Безусловно, агенты ЦРУ есть по всему миру, но говорить об их решающей роли в восстании народа, по меньшей мере, глупо. Почему-то при этом не говорят о «руке Москвы», которая в той же Чехословакии открыто, беззастенчиво держала за горло всю тамошнюю власть, по своему усмотрению насаждала чуждый, антидемократический большевистский строй. И пришли туда наши танки, а не американские, не натовские...

Да, похоже, тот исторический урок с подавлением «Пражской весны», когда мы вели себя, как слон в посудной лавке, не пошёл для некоторых нынешних политиков впрок... Снова давление на соседей, снова бряцание оружием...

В мусульманском закавказье

В АПН я сумел съездить лишь в одну командировку. Зато в какой край! Уже началась вторая половина октября, в Москве – сыро, холодно, а там – тепло, светло, сухо, кусочек рая...

Мы тогда делали серию публикаций об автономных республиках. Некоторые – не выезжая на место. Скажем, я отправлял руководителю Коми вопросник. Местные журналисты готовили и присылали ответы партийного босса. Дополнительную информацию и иллюстрации добывали из имеющихся архивов и из прессы.

Но с Нахичеванской республикой так поступить не удалось бы. Слишком далека она, и не было уверенности, что там есть достаточно квалифицированные фотографы и русскоязычные журналисты, которые могли бы сделать подборку на высоком уровне.

Поездка была уникальной. Само расположение и история республики неординарны. Это – азербайджанская территория внутри Армении. И живут там сейчас в основном азербайджанцы. Нет такой национальности – нахичеванцы. А когда-то здесь преобладало армянское население. Но, теснимое мусульманскими соседями, оно постепенно уступало, мигрировало и даже уничтожалось.

Чтобы добраться туда, мы, я и фотокорреспондент Лобов, сначала прилетели в Баку на самолёте, затем долго ехали на поезде. Железнодорожный путь своеобразный. Дорога проходит впритык к границе с Ираном. Во многих местах от соседней страны отделяет только река Аракс. При этом с советской стороны два ряда колючей проволоки пограничники умудрились расположить даже на обрывистом берегу. Тогда как на иранской стороне я не видел никакого ограждения! И были ли пограничные посты – трудно сказать. На некоторых иранских склонах стояли глинобитные сооружения без окон и дверей – может, это и были наблюдательные пункты?

Единственный ограждённый на иранской стороне участок был только в зоне строительства совместной гидроэлектростанции. С нашей стороны тоже оградили. И по обоим берегам Аракса получилась нейтральная строительная площадка для работников из двух стран. При этом с нашей стороны попасть туда можно было почти как за границу. Правда, нас, корреспондентов, приехавших из далёкой Москвы, всё же туда допустили, не оформляя загранпаспортов.

Самым многолюдным населённым пунктом по дороге была Джульфа. Город разделён на две страны. Когда потом мы возвращались из Нахичевани, иранская Джульфа была пышно иллюминирована: отмечали день рождения шаха.

Вдоль железной дороги – практически голые, безлюдные гористые нахичеванские места. Присутствие человека заметили лишь в нескольких точках. Точнее отсутствие. Как солдаты в строю, рядами стояли сотни каменных стел – хачкары. «Здесь раньше были армянские сёла, – пояснил нам сосед по купе, судя по одежде – гражданский лётчик. – Их вырезали турки». Жуткое впечатление.

К сожалению, в 2000-е годы азербайджанская власть уничтожила все хачкары в районе Джульфы. Несмотря на протесты ЮНЕСКО, защищавшей их как памятники культуры. А мы ругаем ИГИЛ (запрещённый у нас) за разрушение древнейших исторических объектов! Или вспоминаем уничтожение церквей большевиками! Но и в двадцать первом веке процветает варварство даже во вроде бы вполне цивилизованной стране!

Нахичеванская республика – край древний. В её столице нам показали башню-мавзолей Момине-Хатун, построенную в 1186 году!

Но есть древность, история, а есть – архаичность. Идёшь по городу, и вдруг оказываешься в каменном тоннеле. С обеих сторон улицы – глухие глинобитные заборы. В Средней Азии их называют дувалами. Как в Нахичевани – не спросил (или позабыл). Они создают удивительную

ситуацию. Вот идёт впереди тебя человек и вдруг исчезает в стене. Или, наоборот, внезапно появляется, открыв калитку, не отличимую от остального забора ни цветом, ни формой.

Но дело не только в архитектурных особенностях бытия. А в менталитете нахичеванцев. Понятно, что у мусульман, даже у советских, всё иначе, чем у жителей христианской части СССР. Но была заметна разница и с теми мусульманскими районами, что ближе к центру страны, и к Баку.

У меня создалось впечатление, что с нашим приездом в Нахичевани началась декада советской власти. Мы ощущали себя гостями не части нашей страны, а далёкого зарубежного азиатского города. Дело не в заунывной восточной музыке, которая окружает тебя повсюду. К этому фону мы привыкли ещё в Баку. И это – естественно. Не естественно, когда женщины ходят в платках, прикусывая его уголок и как бы закрывая часть лица. Стоит внимательнее, подольше посмотреть на нахичеванку – тут же отворачивается, убегает. Хорошо, в парандже никого не видели.

Вообще отношения к женщине нам показалось весьма специфическим.

Все частные дома – двухэтажные. Первый, низкий, – хозяйственный. Там и кухня. Второй – как на Руси горница – для гостей и праздников. Поднимаясь туда, мы непременно оставляли обувь перед порогом. Это нормально. Ненормально иное: мы никогда на втором этаже не видели женщин, их туда не пускали. Они внизу готовят еду, но приносят её наверх только мужчины.

Единственный населённый пункт Аджарии, где мы обедали вместе с женщинами, это было армянское село Арынч. Христиане! И мы почувствовали себя почти как дома, в привычной цивилизованной обстановке. Без напряжённости, без непонятных нам условностей...

Нас пригласили на свадьбу в азербайджанское горное село Ашагы Кышлак. Едем на «Газике». Внизу, у ручья девушка плещется водой – то ли играет, то ли что полощет. «Это – невеста», – сказал нам сопровождающий. Девятнадцатилетнюю Гюру, доярку, дочь чабана, отдавали замуж за двадцатипятилетнего колхозного библиотекаря Гашама (а его отцу, между прочим, было девяносто восемь лет!). Как же так – свадьба, а невеста гуляет вдали от дома и в одиночестве?

Свадьба здесь, объяснили нам, длится несколько дней. Попробую её описать по путевым заметкам в записной книжке и по тексту моей статьи в журнале «Край Рад».

Накануне свадьбы, в четверг молодожёны ездили в нахичеванский загс. Там жених обычно вручает невесте кольцо, серьги, часы, платок. Вручает ли что невеста жениху в этот день, у меня не записано, да и вряд ли.

На первый день свадьбы, в пятницу, собирается совет стариков-аксакалов. Что они там решают, не знаю.

Приглашают на торжество всё село и всех родственников и знакомых из соседних сёл, даже из Баку и Москвы. По пригласительным билетам. Причём жених отдельно приглашает, невеста – отдельно.

Далее процитирую свою журнальную статью:

Свадьба началась в пятницу. Началась раздельно: в доме жениха и в доме невесты.

Еще с утра были забиты бараны. И на улице, на длинной ленте углей жарились шашлыки. На огромных противнях женщины пекут целые простыни лаваша – хлеба толщиной с блин.

Гости собираются неспеша. Кто приходит пешком, кто подъезжает на автомобиле, кто на ослике. На женицах яркие платки шириной с Каспийское море. Им накрываются почти до пят. Мужчины предпочитают черные и темно-серые костюмы и кепи с большим козырьком.

Угощают гостей так: сначала подают шашлык, накрытый лавашем, и разные ароматные травы и только потом наливают водку, коньяк, вино.

Оставив по восточному обычаю обувь у порога, в самой большой комнате дома собрались человек 150. По кругу поставлены столы. В середине, прохаживаясь, поет народные песни ашуг.

А на улице – танцы. Маленький оркестр – две флейты и барабан – с утра до полночи играет нескончаемые мелодии. Мужчины, взявшись за руки, танцуют народный танец яллы. Вначале медленно. Потом все быстрее, быстрее.... Женщины – в роли зрителей. Впрочем, в опустевший круг вошла девочка лет тринадцати и так лихо под национальную мелодию исполнила твист, что даже невозмутимые аксакалы заулыбались.

К вечеру родственники жениха с подарками пошли в дом невесты.

Жених через родственников передаёт невесте (пока встречаться им не положено) хонч – металлический поднос. На нём подарки: туфли, готовое платье или ткань, из которой уже к воскресенью надо сшить невесте свадебное платье.

В субботу проходят девичники и мальчишники. С одной стороны, это как бы прощание жениха и невесты с холостой жизнью, а с другой, – передача эстафеты следующим парам. У невесты собираются молодые девушки, будущие невесты, у жениха соответственно – будущие женихи. При этом совершают такой странный обряд: девушки окунают в хну пальцы, а парни – половину мизинца.

В этот день родственники невесты принесли подарки жениху: мебельный гарнитур, занавески, ковёр, одеяла...

На третий день свадьбы ещё больше гостей. В этот день жених и невеста наконец-то вместе. Она в новом платье, которое за сутки сшили из ткани, подаренной женихом.

Тамада объявляет, что пора дарить подарки. Тут же идёт их сбор. Родственники жениха и родственники невесты здороваются, целуются. Гости произносят длинные тосты, заказывают ашугу песни, прославляющие мужество мужчины, верность и красоту женщины.

Восточная свадьба обязательно должна была заканчиваться после брачной ночи демонстрацией простыни, испачканной кровью невесты. А если она ещё раньше потеряла девственность? Или что-то не получилось у жениха? Селяне рассказывали нам о приёмах хитрых родственников невесты, чтобы скрыть её добрачный грех. Например, убивали голубя. Говорят, его кровь наиболее близкая по внешним признакам к человеческой. Но если аксакалы раскрывали подлог, то дело могло дойти до скандала. И даже до расторжения брака. Правда, в советские времена это уже бывало редкостью. Практически всё обсуждалось заранее. Главное, чтобы с подарками всё сошлось, как договаривались...

...С самой неожиданной стороны открылся «женский вопрос», когда я решил сделать зарисовку о современной советской женщине, нахичеванке-интеллигентке нового времени, освободившейся от древних восточных предрассудков. И кто как не учитель должен нести в массы светлое, новое, прогрессивное... Мне порекомендовали одну юную учительницу. Не помню, что она преподавала, кажется математику. Но разговора не получилось. Нет, не потому, что плохо владела русским языком. Создалось впечатление, что она боится со мной беседовать. Почти на любой, самый обыкновенный вопрос о занятиях, учениках, она отмалчивалась. То ли боялась сказать что-то не так при сидящем рядом с ней директоре школы, то ли мусульманские порядки не располагали к откровенному разговору с чужим мужчиной. Я был обескуражен. Так и не смог подобрать ключик к сердцу и мозгам нахичеванской интеллигентки. Задумка сорвалась.

Были у нас целевые поездки по республике.

На Араксе уже около года строился совместный с Ираном гидроузел. Пригласили сюда опытных специалистов-гидростроителей со всего Союза, особенно было много с Волги, Украины, и, конечно, азербайджанские. Использовалась главным образом советская техника: мощные экскаваторы, самосвалы – «БелАЗы» и «КрАЗы»...

С территории будущего водохранилища собирались переселить жителей из восьмисот глинобитных домов. На советской стороне к сносу готовились три села. Как восприняли это насильственную перемену места жительства, осталось тайной: с протестами и нежеланием покидать родовые гнёзда или с искренним желанием пожить в более комфортных условиях? О такой проблеме советская пресса в те годы не сообщала.

Правда, через восемь лет после нашего посещения Аракса о подобной проблеме эмоционально поведал иркутский писатель Валентин Распутин в повести «Прощание с Матёрой». Но это – художественное осмысление, личная оценка автора. А газеты рапортовали о перекрытиях рек, о гигантских искусственных морях, о введённых в эксплуатацию мегаваттах. Всё для блага человека! И в каждый исторический период весь советский народ знал имя этого Человека. Того, кто рулит страной из Кремля и думает обо всех и за всех... Правда, после смерти такого Человека выяснялось, что у него случались ошибки, но вот новый Человек, утверждали, всё исправит...

Во втором по численности жителей после Нахичевани городе – Ордубаде посетили консервный завод, где нас угостили редкими, неожиданными видами варений из кавказских фруктов. В том числе из... грецких орехов!

Удивило обилие бочек на территории завода. В них росли лимоны с созревающими плодами. В этом горном крае много солнца, но на высокогорье случаются морозы, и при резком похолодании бочки с лимонами заносят в помещение.

В Ордубаде ещё одно экзотическое производство – кокономотальная фабрика. Технология не простая, капризная. Шёлк – дело тонкое. Но выгодное. Продукцию отсюда поставляли даже за границу – в Италию и Японию. Странно было видеть гору белых коконов, формой похожих на более известный нам земляной орех арахис.

В Бадамлы попили очень вкусной местной минеральной водички. Жаль, что в Москве она не продавалась. Да и сейчас её не видно – далековато везти, к тому же теперь – через границы. Вообще минеральных источников в республике много, но этот был самый производительный, самый обустроенный, возможно и по химическим характеристикам он превосходил другие.

Неожиданно на розливной конвейерной линии увидели рабочего – не кавказца, а парня славянской внешности. Он явно не хотел с нами вступать в разговор. Как его занесло сюда? Прячется от милиции или бывших криминальных дружков? Сбежал от алиментов?..

А как занесло в отдалённую Нахичевань других русских, представителей других не кавказских национальностей?.. Это – тема дополнительного расследования. И, возможно, приоткрылись бы удивительные судьбы – счастливые и трагические. Но на это у нас не было времени.

Свозили нас на Шахбузский винзавод. Новый. Но он уже отмечился медалью в Будапеште. Однако нам не повезло. Вдвойне. До очередного урожая далеко, и огромные чаны, где мнут виноград, пустовали. Жаль. Хотелось воочию посмотреть, как мнут. Босиком! Помните итальянский фильм «Укрощение строптивого»? Как там Адриано Челентано под великолепную мелодию топтал виноград босыми ногами! Загляденье!

И попробовать местное медалированное вино тоже не удалось: так долго виноделы у себя его не хранят, всё до последней бутылки отправили в торговлю. Или сами уже распили – в ожидании нового урожая.

В упомянутом горном селе Ашагы Кышлак чабан Байрам Ахмедов рассказал о своём нелёгком труде. Водит он колхозное овечьё-баранье стадо уже много лет. Начисляют ему по одному рублю семьдесят две копейки на трудодень. В месяц выходит по сто – сто двадцать рублей. Торговец «свежей» баранинкой или цитрусовыми на столичных рынках зарабатывал тогда намного больше. И виноградарям в армянском совхозе имени Шаумяна платили больше – по четыре рубля за трудодень. Впрочем, сколько набегало трудодней у тех виноградарей, сейчас сказать не могу. Но разница в цене трудодня возникала из-за уровня прибыльности того или иного хозяйства.

Чабанить – это очень тяжёлое круглогодичное и круглосуточное занятие: грозы, бураны, волки, медведи... Байраму же стукнуло уже семьдесят лет. Правда, выглядел он превосходно: крупный, сильный, с загорело-обветренным лицом почти без морщин. А как он быстро, словно юноша, поднялся к стаду, которое в ходе нашего затянувшегося разговора стало заворачивать не туда, куда следует маршрут! И, хотя у него куча детей и внуков, сам он посчитал себя ещё вполне молодым.

Конечно, семьдесят лет для горцев – не старческий возраст. Тут много долгожителей. Нам называли имена тех, кому уже давно за сто: сто тридцать и даже сто сорок. Правда, к этим данным надо относиться осторожно, так как документов, подтверждающих точную дату рождения у многих горцев, не было, и возраст им начисляли по их рассказам. Первый секретарь обкома Компартии Г. Ибрагимов потом назвал нам конкретных людей по именам. Всего разменявших второй век официально числилось семнадцать человек. Почему-то особенное сосредоточение их оказалось в селе Коланы Шахбузского района. В их числе Сакина Едикарова – сто двадцать пять лет, Зульфущар Гаджиев – сто двадцать и т. д. Это было документально подтверждено. И когда ныне СМИ сообщают о самом старом человеке на планете в возрасте сто десять лет, это у меня вызывает недоумённый вопрос: или Нахичевань настолько отделена от остального мира, что не попадает под статистику, или все старожилы там поумирали, а в новых поколениях таких же долгожителей, как прежде не оказалось?

Когда спустились с гор, нас познакомили с председателем колхоза имени Димитрова Фархадом Ширалиевым. Человек с высшим образованием! С философским!! Кандидат наук, защищался по теме «Искусство и религия»!!! Как, почему здесь? Купил диплом? Или купил должность? Или чей-то родственник? Хотя – не боги горшки обжигают...

Отец его умер после войны. Был малограмотным. Мать – вообще неграмотная. Но все их четверо сыновей получили высшее образование. Трое из них стали кандидатами наук. Один брат, Гасан, заведовал в бакинском университете кафедрой научного коммунизма. Шулан, тоже кандидат наук, преподавал персидский язык. Самый младший, Асиф, – журналист по образованию, после окончания ВПШ (высшей партшколы) устроился в райкоме партии. Возможно, их связи и авторитет позволили философу возглавить вполне успевающий (раз нас привезли сюда) колхоз.

Заметив наше невольное удивление его назначением в колхоз, Фархад подчеркнул, что агроном и экономист – профессионалы с высшим бакинским образованием. Почему философ оказался здесь, так до конца мы и не выяснили. С одной стороны, он вернулся на родную землю, чтобы навести порядок и вытащить убыточное хозяйство в успешные. Что ему удалось. С другой стороны, работать руководителем колхоза даже выгоднее профессорской должности: здесь много материальных плюсов – прямых и, чего греха таить, скрытых. Да и воздух тут полезнее бакинского.

Колхоз занимался животноводством, птицеводством, пшеницей, табаководством. Заложили виноградники. Но главное – хлопок. Впервые я воочию увидел это тяжёлое, нудное дело – сбор коробочек. Согнувшись в дугу, женщины рывками срывали их в фартуки, потом высыпали в мешки. Труд особенно изнурительный в жару. А надо собрать до дождей... Хлопкоуборочные комбайны есть. Но не на всех участках они применимы. Да и качество ручного сбора намного выше.

Философ с гордостью показывал колхозные стройки – фермы, детский городок (ясли и сад), школу. И жилые дома – их только за минувший год появилось более двух десятков. Так что не зря кандидат наук отдал шесть лет своей жизни этому хозяйству.

Но далеко не каждый здешний колхоз жил так благополучно. Этот был выставочно-показательным...

После знакомства со своим хозяйством председатель угостил нас в колхозной столовой. И не только шашлыком, но и великолепным местным пятизвёздочным коньяком. В буфете

столовой мы купили по бутылке. Позже я пожалел, что так мало – такого ароматного, с тонким вкусом больше нигде и никогда не удалось попробовать. Названия не запомнил. Купить его нигде кроме как в Нахичеванской республике, видимо, невозможно – уж слишком маленький объём выпуска...

Эта автономия была настолько далека от центра СССР, что многие здесь еле-еле разговаривали по-русски. А некоторые старики, которым почти по сто и более лет, и вовсе его не знали. И часто мы общались через переводчика. Обком нам выделил своего сотрудника в качестве сопровождающего, который одинаково хорошо владел и русским, и азербайджанским. Живой, общительный, к тому же с претензией на писательство.

О чём может написать человек, живущий в укромном уголке Закавказья? О горах, о пастухах, о виноградарях, о виноделах?.. Об Америке! Его очень волновала проблема войны и мира. А США – наш главный враг и того гляди развяжут новую мировую войну. И этот инструктор отдела пропаганды обкома Компартии настрочил целую повесть! Вот эффективность советской пропаганды! Правда, книгу пока не издали. Наверно, уж слишком примитивно-графоманская.

В Нахичевани я узнал о случившемся здесь незадолго до нашего приезда землетрясения. О количестве жертв нам не сказали. Но о масштабе трагедии можно судить по такой цифре: было полностью разрушено шестьдесят пять домов и пять школ, пострадало две тысячи хозяйств. Каждой пострадавшей семье выделили по сто рублей. Два миллиона дали организациям и учреждениям для ликвидации последствий. Списали колхозам более полутора миллионов рублей долга государству. Это не считая страхового возмещения. И, тем не менее, помощь слишком мала.

А ещё случилось сильное наводнение, в низинном районе. Сто двадцать палаток пришлось поставить, чтобы разместить семьи, оставшиеся без крова.

Вы полагаете, доблестная советская пресса сообщала об этих катастрофах? Может, и сообщала. Но так, чтобы никто не обратил особого внимания. Дали «крупной» непарелью по десять строк. Я, например, даже готовясь к поездке, не узнал об этих катастрофах. Обычно такой информацией не хотели омрачать счастливую жизнь советских людей. Даже об Ашхабадском землетрясении 1948 года, когда спящая столица Туркмении превратилась в руины с огромным числом трупов (до ста с лишним тысяч!), было запрещено публично рассказывать. Мы узнавали подробности из слухов...

Партийный лидер республики, рассказывая о достижениях Нахичевани, как водилось в те годы, сравнил уровень производства с дореволюционным периодом (обычно – с довоенным 1913 годом): сейчас столько выпускается продукции за два дня, сколько тогда за целый год. Ну, чем не достижение?! А развёрнутое строительство: жилья, новых производств, Араксской гидроэлектростанции (до революции, подчёркивает Ибрагимов, вообще электричества не было – а где оно было на территории Российской империи кроме как в крупнейших городах?!). А какие новые перспективы открываются: найдены молибден, свинец! Медный рудник уже закладывается. Традиционный строительный материал травертин (туф) пользуется всё большим спросом, в том числе и за рубежом.

Но при этом только треть городского населения пользуется газом, только сто литров воды приходится на одного городского жителя, очень мало асфальтированных дорог (в этом мы убедились, глотая пыль из-под автомобильных колёс)... И вообще: если эта древняя земля такая богатая, то почему население такое бедное? Даже по советским меркам – весьма бедное... Власть, ответь? Не дала ответа. Да, я тогда и не посмел у партийного секретаря спросить об этом. А если бы посмел, то вышколенный деятель сослался бы на тяжёлое наследство от царских времён. Ну, и доложил бы, куда следует о том, что я опасный элемент.

Нахичеванцы жили бедно не из-за царского наследия, не потому, что этот край, как и вся Российская Империя, был бедным до 1913 года. Все европейцы перед Первой мировой войной

тоже были не слишком-то богатыми, а после неё – даже бедными, и после Второй мировой – тоже бедными. Но почему-то они весьма быстро поправили свои дела. А мы-то, в том числе и райский край Нахичевань, почему так отстали в развитии?..

Ещё одна сценка из повседневной жизни Нахичевани.

Мы попросили познакомить нас с хорошим врачом, обязательно азербайджанцем. Ведь Советский Союз гордился своими достижениями в медицине. Опять-таки в сравнении с пресловутым 1913 годом. Хотя, когда мы приехали в эту республику, с тех далёких царских времён прошло пятьдесят пять лет! Зачем же так лобово сравнивать две отдалённые эпохи?

Нас привели в республиканскую больницу, открыли перед нами дверь врачебного кабинета. А там... идёт операция. Знаменитый местный хирург (фамилию не хочу называть) оперировал у больного раковую опухоль на шее (зоб). Мы опешили: ввалились без халатов, с пыльной городской улицы... Я замешкался, извинился и хотел выйти. «Да, ничего, ничего. Он под наркозом», – успокоил нас хирург. Он явно был доволен, что к нему пришли московские (такая неожиданность!) журналисты, отвернулся от пациента и стал преспокойно с нами разговаривать. Я едва выдержал те несколько минут, пока мой коллега фотокорреспондент снимал этого представителя современной нахичеванской интеллигенции – мы же должны похвастать перед друзьями и врагами нашей страны своими достижениями в развитии национальных окраин!

Я был обескуражен. Ну, как же так: опытный врач, заведующий хирургическим отделением, кандидат медицинских наук и – «подождёт». Этот пациент с надрезанной шеей для него НИКТО, и такое отношение врача к нему – это отголоски всей советской системы, где каждый человек, каждая человеческая жизнь ни во что не ставились. Главное: показать всеобщие достижения! Ну, и себя немножко...

Недолго я продержался в АПН. Заскучал. Одна командировка в год – это мало, в другую уже не пустили («зачастил!»). К тому же мне не хватало общения с читателями. Пишешь, пишешь – в лучшем случае соседи по кабинету что-то выскажут, да сборки из социалистических стран сообщат, как встретили наши материалы за рубежом. Использовать работу в АПН для прыжка в заграничное бюро я не захотел. Хотя и денежно, и престижно, но меня к этому не тянуло. К тому же фактически надо было становиться «подкрышником», то есть залезать под крыло КГБ.

Я поделился с коллегами желанием поискать журналистское счастье где-нибудь ещё. И тут один из соседей по кабинету поделился любопытным вариантом. Московская патриархия пригласила его к себе. В качестве журналиста. Оклад приличный – четыреста рублей. Это в два с лишним раза больше, чем в АПН. Но он отказался. Спросил меня: «Хочешь? Могу порекомендовать. Но... партбилет – на стол». Я тоже отказался от «выгодного» предложения. Не потому, что испугался расстаться с партбилетом. Мне, атеисту, в принципе с церковниками не по пути. Даже за большие деньги. Идеологически. А с точки зрения истории культуры – религией можно интересоваться и со стороны.

Меня удивила возможность церкви платить журналистам гораздо больше, чем в государственных СМИ. Значит, у РПЦ много денег! Значит, нам в официальных СМИ сильно не доплачивают? И находились светские, совсем не религиозные журналисты, которые уходили на хлебные православные места. И внезапно... становились правоверными...

Подкрышная организация, как и сама «крыша» не любит, когда её покидают перспективные сотрудники (а меня считали перспективным, растущим, подающим надежды, идеологически выдержанным). И при увольнении из АПН я, по совету коллег, заявил, что здесь мне всё нравится, благодарен агентству, но, поскольку нет возможности часто ездить в командировки, а в этом смысле мне, начинающему журналисту, ещё надо навёрстывать и расширять свой кругозор, то я ухожу туда, где такая возможность предоставляется. Мы расстались по-доброму.

Водные проблемы затянули в антисоветчину

Я ушёл в менее престижную редакцию – газеты «Водный транспорт».

Переманили меня туда возможностью поездить чуть ли не по всему миру и открытием нового, почти научного отдела. Сосватал меня туда всё тот же Лёня Коренев. Его старый знакомый Валерий искал себе компаньона по отделу, и Лёнина характеристика моих профессиональных и поведенческих качеств его, видимо, удовлетворила. Но руководителем отдела был совсем другой человек, и надо было пройти смотрины.

Мы встретились в ресторане «Урал» на Пушкинской (теперь Большая Дмитровка). Не уверен, что это питейное заведение сохранилось. Там мы приятно посидели. За мой счёт, конечно, – это как бы был мой вступительный взнос. Такого способа знакомства с будущим работодателем у меня прежде ещё не было.

Зав отделом Виталий Валентинович Тарасов был уже в годах и выглядел не совсем здоровым. Он из военных моряков – кавторанг, то есть капитан второго ранга. Приехал в Москву с Дальнего Востока, где в последнее время служил журналистом, поработал в какой-то местной военной газете. Он произвёл на меня приятное впечатление – добропорядочного свойского мужичка. Я его тоже удовлетворил при первом взгляде. И, распрощавшись с престижным АПН, я оказался в «Водном транспорте».

Эта отраслевая газета по своему профессиональному уровню была так себе, но позволяла корреспондентам побывать во всех концах необъятного Союза. И даже за его пределами.

В то время в СССР было несколько ведомственных и узкопрофессиональных газет: «Воздушный транспорт», «Медицинская газета», «Учительская газета»... Формальными учредителями-издателями числились соответствующие министерства. Хотя фактически все они были под контролем сектора печати отдела пропаганды ЦК КПСС.

«Водный транспорт» выходил только три раза в неделю, обычным, «правдинским» форматом А2 на четырёх полосах. Он был органом Министерства морского флота СССР, Министерства речного транспорта РСФСР и соответствующего профсоюза. Тираж был по советским меркам небольшой, насколько помню, порядка ста тысяч экземпляров – капля в море.

Дабы увеличить тираж и идеологическое воздействие на довольно специфическую аудиторию, решили расширить читательский круг за счёт профессиональных рыбаков. Рыболовецкий флот СССР по численности судов и объёмам работ не уступал торговому и намного превосходил пассажирский. Но против включения Министерства рыболовной промышленности СССР и рыбацкого профсоюза в число учредителей газеты выступили действующие хозяева издания. Тогда новый руководитель «Водного транспорта» Гришин, направленный сюда с поста главного редактора журнала «Морской флот», пошёл на хитрость (думаю, с разрешения ЦК КПСС): он создал отдел проблем Мирового океана. Вроде бы – научный, но поскольку на пятьдесят процентов Мировой океан использовался как рыбная кормушка человечества, то и мы в отделе должны были заниматься рыболовецкими проблемами.

Тематика была чрезвычайно интересной. И с точки зрения научных исследований богатств водных глубин, и по чисто рыболовным делам. А какие командировки были у меня!

В творческом плане самое любопытное случилось, когда меня обвинили в написании... антисоветской статьи. Антисоветчиком я чуть не стал из-за цитирования мнений специалистов, которые они высказали мне в интервью об использовании внутренних водных ресурсов страны. Они назвали немало проблем, которые иллюстрировали ошибки в этой сфере, в том числе те, которые были запрограммированы «решениями партии и правительства».

Высказались, например, против на шумевшего в те годы строительства целлюлозно-бумажного комбината на берегу чистейшего и крупнейшего в мире хранилища пресной воды – озера Байкал. Увы, несмотря на протесты общественности, на острые публикации

писателей и журналистов, комбинат впоследствии всё-таки построили. Главный аргумент «за»: байкальская вода позволяла получать самое качественное сырьё для изготовления самолётных шин. Временная (и сомнительная) выгода перевесила истинную заботу о будущем страны. История показала, что защитники природы были правы. Теперь ценой дополнительных расходов и покалеченных людских судеб производство там частично свернули. Однако, буквально на днях, летом 2017 года, проводя на берегу Байкала совещание по экологическим проблемам, Владимир Путин подчеркнул, что надо ещё выделить средства (и немалые!), чтобы обезопасить озеро, в котором ещё остаются миллионы тонн производственных отходов!

Не менее серьёзная, но мало освещаемая проблема – вред гидроэнергетики для сельского хозяйства и экологии. Советский Союз, чтобы «догнать и перегнать» «загнивающий» Запад, понастроил мощнейшие гидроузлы на равнине! Да, увеличилась выработка электроэнергии, которая срочно требовалась для индустриализации. Да, для судов повысилась проходимость мелеющих летом рек – Волги и Днепра. Да, появилась возможность пустить подпёртую водичку на поля для орошения во время засухи. Но...

О возникших проблемах мне, в частности, рассказал большой специалист в этой сфере – начальник отдела проектного института «Союзгипроводхоз» Игорь Герарди:

Водохранилища строились без обоснования оптимизации водных ресурсов страны и с целью использования прежде всего для энергетики. На Волге колебания воды в водохранилищах составляют до трёх – пяти метров. Затопили пойменные земли – около двух миллионов гектаров, пригодных для использования сельским хозяйством. На Днепре мелководье занимает тридцать процентов. Сине-зелёные водоросли забирают кислород, и рыба обходит мель. На Нижнекамском водохранилище предусматривали строительство дамб. Однако фактически только третью часть мелководья оградят. За восемнадцать лет на Цимлянском водохранилище обеспечивали потребности рыбного хозяйства только два года. На Волжском водохранилище – лишь в 1966 и 1967 гг. Надо разрабатывать комплексные схемы оптимизации водных ресурсов. При этом принять меры для создания условий сохранения природных ресурсов: уменьшить загрязнения, охранять леса и берега...

К этому добавлю затопленные леса, которые не успели (или не захотели ради экономии?) вырубать на дне будущих водохранилищ. Это происходило и в Рыбинске, и на Вилюе, и на Ангаре. И я не говорю о социальной проблеме – о насильственном переселении тысяч людей с обжитых, родных мест, со своей малой родины, от могил предков, о чём, как я уже говорил, ярко рассказал писатель Валентин Распутин в романе «Прощание с Матёрой».

Кто-то из моих собеседников сказал (при этом предупредил: не для печати), что недалёковидная советская гидроэнергетическая политика нанесла урон сельскому хозяйству страны не менее ощутимый, чем фашистская оккупация! Те пришли и ушли, а водохранилища по-прежнему наносят колоссальный ущерб. И до сих пор! Вот таков эффект нашей «дешёвой» гидроэнергетики!

При этом Герарди (вот парадокс!) доказывал мне необходимость переброски воды из северных рек на юг страны, поскольку расход воды в таких реках как Амударья, Сырдарья, Волга, Дон, Кубань постоянно увеличивается, и для развития сельского хозяйства её не хватает, и проблема обостряется. Он также напомнил, что Каспий и Аральское море мелеют. Его горячая защита этого предложения мне показалось странной, нелогичной для радетеля о земле, о комплексном использовании водных запасов. Конечно, эта переброска вроде бы на пользу сельскому хозяйству на засушливых южных территориях СССР, но экологические последствия осуществления столь масштабного проекта могут быть катастрофическими... Чуть позже Герарди был назначен главным инженером проекта переброски воды из северных рек в Среднюю Азию. Грандиозный проект не был осуществлён. Но это уже другая история...

Статью мою, конечно, не напечатали. Более того, заведомо Тарасов, который ко мне хорошо, по-отечески относился, испуганно выпучив глаза, прошептал, что я написал антисо-

ветский материал. И сказал, чтобы я не вздумал его предложить какой-либо иной редакции. Но я не понял, почему квалифицированные мнения специалистов, правда о реальной ситуации могут быть антисоветскими. Ну, а как же? Это же противоречило «мудрым решениям родной партии», её лидеров! Это что же – они неправы? Какие-то там инженеришки мудрее целой партии, которая неуклонно ведёт нас к светлому будущему?

А может, именно действия этой партии и были антисоветскими, то есть антинародными, антигосударственными, ошибочными, нерасчётливыми?

Предупреждение доброжелательного начальника на меня не подействовало, я предлагал этот, на мой взгляд, очень ценный материал другим редакциям, но безуспешно. Никто с «антисоветчиной» не захотел связываться. А кто-то, возможно, по узости своего гуманитарного мышления, даже и не разглядел «антисоветчину» в антигосплановских, антицэковских интервью со специалистами, не понял важности дискуссии.

А моё предложение написать статью об экологической проблеме Байкала в редакции встретили в штыки. Эту острейшую тему удалось вынести на общественное обсуждение лишь некоторым маститым писателям, а прессе фактически заткнули рот.

Ловись, рыбка, морская и речная, «золотая» и дармовая...

В соответствии с главной задачей отдела, я рассказывал читателям, что предлагают учёные рыбной отрасли для пополнения страны продуктами питания за счёт использования ресурсов Мирового океана, о научных и новейших промысловых судах, которые бороздили морские просторы по всей планете, вплоть до Антарктиды, чтобы разведать и вылавливать новые виды рыб. Писал я о том, что обнаружили огромные запасы криля – маленького рачка, похожего на креветку и богатого белком и аминокислотами. Его стали использовать для получения добавок, например, к... плавленому сыру. Учёные предложили рыбную муку – в качестве добавки к... хлебу, чтобы обогатить его полезным для человека лизином.

Оригинальное предложение было связано с коренным изменением рыбацкого труда: промысловика превратить в... фермеры. Потому и заметка называлась так – **«Рыбак станет фермером?»** (10 июля 1969 г.). В Азовском море установили садки и в них выращивали карпа, толстолобика, американского окуня. Акклиматизировали пресноводную рыбу в морской воде. А главное – за такой рыбой не надо уплывать в далёкие края. Сейчас морские садковые хозяйства есть во многих странах, где тому благоприятствуют природные условия. В России в них для товарных целей выращивают форель, осетровые, лосося, камбалу, кефаль, окуня, мидии, морские водоросли... Так что я оказался прав в своей корреспонденции.

Примечательно, что в «ВТ» я опубликовал единственный в моей журналистской практике фельетон. Я не фельетонист, и не стремился им быть. Это, считал я, удел особо одарённых, награждённых талантом умно смеяться даже на самые серьёзные темы. А тут вдруг взял да написал: **«Экспериментатор из Махачкалы»** (15 июля 1969 г.).

На этот раз в дальнюю дорогу меня позвало письмо в редакцию. Обычно жалобы читателей пересылали для принятия мер. Мало ли их поступало! На каждую не наездишься. Даже если пришлют отписку, но не будет повторной жалобы, то и с плеч долой, на перепроверку сил и времени не хватало. Но тут автор письма – капитан сейнера, Герой Социалистического Труда. Казалось бы, все советские Герои обласканы властью, к ним и отношение на местах особое, более внимательное, на любую их просьбу или предложение живо реагируют. А тут – отчаяние: помогите, на голодном пайке сидим! И это – промышленяющие рыбаки, у которых еда буквально под носом. Под носом корабля, конечно.

До автора письма пришлось добираться долго, с пересадками. Формально он проживал в Махачкале. И сейнер туда приписан. Но промышленяли рыбаки у самой границы с Ираном. В районе бухты Пирсагат. Это на юге Азербайджана. Шестьсот километров от дагестанской столицы. И ещё от берега десятки километров, чуть ли не у туркменского берега.

Добрался я на перекладных до плавбазы «Серго Орджоникидзе». Вокруг снуют маленькие судёнышки. И почти все – с названиями народностей Дагестана. Скажем, «Даргинец», «Табасаранец» и т. д. Но всех земляков рыбаки уважить не смогли, столько судов у них нет. Ведь, как мне сказали, в Дагестане до ста языковых групп. Бывает так, что жители у подножия горы не понимают тех, кто живёт повыше.

Схожая мешанина оказалась и на сейнере, которым командовал автор письма (сожалею, что фамилию не помню, а в фельетоне я его специально не упомянул): кумыки, аварцы, лезгины... «А я лакец, – гордо заявил мне улыбающийся парень. – Нас мало, но мы везде. Недаром говорят: арбуз разрежешь, и оттуда выскочит лакец».

Ночью я стал свидетелем лова. Спускают в воду конический трал. В центре горит очень яркая лампочка. Свет привлекает рыбу. Косяк кильки идёт ко дну вслед за тралом. Потом его электролебёдкой быстро поднимают. Над палубой открывают заслонку. И тысячи серебристых рыбёшек, переливаясь отражённым светом, прыгают, шелестят. Потрясающее зрелище!

Рыбаки ловят кильку, а если попадутся осётры, обязаны их выбросить в море. Тогда лов этой ценной рыбы, запасы которой истощились, был запрещён. За этим следила плавучая инспекция. Но... для дорогого гостя из Москвы, конечно же, сделали исключение. И я попробовал потрясающей каспийской ухи.

Ну, какой же голод грозит рыбакам, когда пищи – прорва? Только – черпай. А как вы себя будете себя чувствовать, если каждый день придётся питаться только рыбой? Героический Махачкалинский рыбокооп не смог нормально обеспечить картошкой, капустой, луком, мясом, свёклой. Ну, где же достать все эти продукты, коли живёшь в зоне вечной мерзлоты? Нет – в зоне вечной мерзлости. Тут и всеобщий советский дефицит с продуктами сказывается, и всеобщий раздолбай, и наплеватьство на интересы «трудящихся масс». Авось на подножном корме проживут, как французский врач Ален Бомбар, который в одиночку на резиновой лодке шестьдесят пять дней пересекал Атлантику, чтобы доказать: человек может выжить даже без снабжения рыбокоопа.

Интригующим было поведение работников этого достославной кооперации. Они понимали, чьё мясо кошка съела, то есть куда продукты исчезли и почему не смогли доплыть до рыбаков. Поэтому им очень хотелось задобрить меня. Я бы увернулся от этого. Не впервой попадать в подобную деликатную ситуацию. Но мне было любопытно, что же меня ожидает на берегу Каспия.

Они предложили проехаться, решили показать свои уголья. У них, оказывается, есть свои внутренние водоёмы, где они откармливают ценные сорта рыб. Очень им хотелось угостить меня заломом. Есть такая редкая и очень вкусная, как говорят, рыба. С заломом обломилось. Поехали дальше, на какие-то пруды. Вероятно, там молодёжь выращивают. Ничего не нашлось для приличного угощения. Ездили-ездили, в какую-то придорожную забегаловку заехали. Накормили меня обедом. А я так проголодался, что согласился съесть рыбный суп... из консервов. Сюжет – нарочно не придумаешь.

Ну, если себя не могут обеспечить, как же они обеспечат рыбаков за сотни вёрст от базы и складов?!

Через два с половиной месяца газета «вернулась к напечатанному». За это время были получены ответы из Дагестана. По моему фельетону какому-то виновнику бедствий рыбаков «строго указано». Но «указали» – не наказали. Ну, даже если бы выговор объявили, рыбак сыт им не будет. Сомневаюсь, что снабжение махачкалинских промысловиков кардинально улучшилось. Сомнение породил ответ руководителя рыбокоопа. Он основную вину за плохое снабжение рыбаков свалил на... холодную зиму. Дескать, Каспийское море замёрзло, по воде снабжать было невозможно, а по берегу – затруднительно. Но я никакого льда на Каспии не заметил, тем не менее бедное меню по-прежнему оставалось. И всё же (вот парадокс!) сей начальник привёл длинный список мер, которые помогут впредь улучшить питание морских тружеников. Получается, многое недоработали, но виновата погода...

В конце того же июля 1969 года я ещё раз занялся рыбками. Точнее, тем, как их неправильно ловят и как их травят. То есть браконьерством и отсутствием надёжных очистных сооружений. А край-то наиболее привлекательнейший – Краснодарский. Кубанская таранька на весь Союз была известна. Я рассказал обо всех проблемах на страницах «ВТ». Экземпляра газеты с этой статьёй у меня не сохранилось. Но пометки в записной книжке достаточно красноречивы и без моих тогдашних журналистских эмоций.

Из рассказа начальника управления рыбной инспекции Григория Тимофеевко (предполагаю – краевого управления):

Зарплата ниже, чем у рыбаков. [Потому люди и не рвутся на эту хлопотную и опасную работу. Правда, некоторые идут специально – в надежде использовать должность в корыстных целях.]

В 1968 г. две общественницы были ранены.

По Союзу: в 1967 г. было зафиксировано 120 тыс. нарушений, за первое полугодие 1968 г. – 73,6 тыс. [А сколько не зарегистрировано, когда не смогли поймать или, по взаимовыгодной договорённости, не стали составлять акт.]

В бассейне Азовского моря примерно 170 тысяч рыболовов-любителей, у них более 26 тысяч плавсредств, и 8,3 тысячи рыбаков-колхозников, у них 261 судно, у инспекторов 80 судов и 108 моторных лодок. Техника устарела, а ремонтировать негде. Плохо с моторами. В автопарке должно быть 726 автомашин и 1882 мотоцикла, фактически 225 и 960 соответственно.

Черноморская инспекция рыбоохраны зафиксировала: в Туапсе у рыбаков забраковали сорок тонн сельди – пропахла нефтью.

За год только на Бриньковском участке задержано 710 нарушителей, конфисковано 516 орудий лова, сдано в торговую сеть 20 тыс. кг рыбы.

В Приморско-Ахтарске не оказалось в продаже ложек – все на блёсны раскупили.

Два капитана двух СЧС [средний черноморский сейнер] из колхоза имени Ильича, находясь на промысле тюльки, стали ловить тарань. Работники милиции у одного нашли 290 килограммов, у другого – 412.

В Темрюкском районе в прошлом году погиб общественник.

Но не менее, а может, даже более серьёзное беспокойство вызывают «скрытые браконьеры». Ежедневно на Кубани сбрасывается полмиллиона кубических метров неочищенных сточных вод. Например, только в Краснодаре в сутки – 170 тысяч. Кропоткинский химкомбинат – 33 тысячи кубов, а ниже по течению – основные нерестилища осетровых. Двести водозаборов не имеют заградителей от рыб, и рыба попадает на рисовые поля.

ТЭЦ в Краснодаре слили десять тонн нефти. Из 270 проверенных предприятий только на 130 есть локальные очистные сооружения, в том числе на 84 – они не эффективны.

92 руководителя предприятий были оштрафованы. Однако это слишком малая доля от реального числа нарушений. Одна из причин – некачественно оформляются дела. А если прошёл месячный срок, то уже нельзя привлечь к административной ответственности. И потому часто штрафы с предприятий и с их руководителей отменяются.

Кроме того, в регионе не простая рыбопромысловая обстановка: пыльные бури, морозы, мощный лёд – из-за недостатка кислорода гибнет рыба в лиманах. По данным Азовского НИИ рыбного хозяйства, погибло пятьдесят тысяч центнеров судака, то есть восемь процентов запаса, сорок тысяч центнера тарани – более трети. Выловлено вдвое меньше плана.

Добавлю к этим записям. При этом государство тратило немалые средства на разведение промысловых рыб. То есть эффективность такого вложения если не сводится на нет, то очень снижается.

Край романтиков, бичей и бешеных денег

Поездка в Мурманск в середине октября 1969 года запомнилась разными яркими событиями. Сам же город произвёл унылое впечатление. Серый, мокрый, пропахший рыбой, суетливый, разухабистый, блудливый...

Там я впервые услышал это слово – бич... Возле флотских контор ежедневно выстраивались десятки, а то и сотни людей, жаждущих наняться на рыболовецкие суда. Люди съезжались со всего Союза. Манила не столько морская романтика, сколько деньги.

Наняться на транспортное или пассажирское судно, которое ходит по всему свету, было заветной мечтой многих советских людей. Чтобы попасть в командный состав или техническим специалистом – нужно было долго учиться. И это не для всех – на всю жизнь связать свою судьбу со скитальческой жизнью моряка. А можно просто какое-то время поработать – хоть помощником кока, хоть кем угодно, зато на судне с заходом в иностранные порты. И ты обеспечишь себе сносную жизнь на несколько лет. Это почти так же выгодно, как поработать за границей в наших посольствах или торговых представительствах. Тут тебе и боны, и валюта, и закордонные шмотки, которые потом выгодно перепродашь! Жизнь удалась!

Но к морякам, высшей касте, попасть сложно: и требования очень жёсткие, и кораблей не так уж и много. Наняться к морским рыбакам – попроще. Рыболовецких судов – прорва. СССР в то время располагал, наверно, самым большим рыбопромысловым флотом в мире. А Мурманск был самым крупным советским рыбацким портом.

Приезжие устраивались чаще всего на один рейс. Он продолжался от трёх до шести месяцев. Суда утюжили не только ближайшее Баренцево море, но и всю Атлантику, вплоть до берегов Америки. В полугодовое плавание уходили группами – могучая плавбаза вместе с небольшими судами, непосредственными добытчиками морского богатства. Обосновывались на какой-нибудь банке (подводная морская отмель). Сейнеры и траулеры бороздили её вдоль и поперёк, сдавая добытое на плавбазу. Там – фабрика по переработке, и сразу же делают консервы и пресервы.

На плавбазе – сотни работающих. И туда, кстати, в отличие от маленьких судёнышек, брали женщин. Полгода вдали от родного дома, от семейного очага! Тело просит, невтерпёж... Всякое бывало. Не все выдерживали этот максимально разрешённый медиками срок плавания без захода в порты, без нормального отдыха и регулярного секса. Случались психические срывы.

Но заходить в иностранные порты нашим судам не разрешалось. Не только для предотвращения вражеских происков мирового империализма и из-за боязни наших спецслужб, что очередная порция наших несознательных сограждан сбежит в «буржуазный ад». Но и из-за экономии. Зайти в порт, заправиться там горючим, пополнить запасы воды и продуктов – это больших валютных денег стоило. С валютой было туго, её не хватало на закупку современного оборудования, ширпотреб, зерна. Государство экономило на этих людях.

Ну, а если человек заболит? Регулярно из порта приписки к плавбазам ходили наши танкеры и водолеи. Они попутно доставляли замену заболевшим, почту. И увозили тех, кому нужна была неотложная медицинская помощь в стационаре. За помощью к «врагам» обращались в исключительных случаях.

Но люди терпели неудобства. При удачной ловле они обогащались. Ведь ещё и северные надбавки причитались. Советские люди шалели от таких денег. Кто побогаче (из командного состава) и поумнее, тот до следующего рейса отправлялся на «материк», к родственникам, или на Юг, погреться возле ласкового Чёрного моря.

Люди не стеснялись своих доходов, заработанных тяжким трудом, с риском для жизни. Даже кичились. Мне рассказывали, что некоторые, прилетев в южный аэропорт, отправлялись

к месту отдыха, заказав три такси. В одной машине рыбак ехал сам, в другой – его чемодан, в третьей – фуражка. Эту байку потом красочно описал Георгий Владимов в своём тогда нашумевшем романе о мурманских рыбаках «Три минуты молчания»

Но далеко не все рыбаки наслаждались красотой своей сытой жизни. Многие просаживали пачки денег в течение нескольких дней: гудели по-чёрному, отмокая в злых местах после морского похода. Сами пили-ели, друзей и всех кого попало поили-кормили, женщинами наслаждались...

О разгуле разврата в «рыбацкой столице» я понял, поселившись в гостинице объединения «Севрыба» – «Доме рыбака». Только я в своём номере залёг в постель, как вдруг рывком открывается дверь, бесцеремонно заходит дежурная. Молча оглядывает, как надзиратель в тюрьме, и, убедившись, что «посторонних» нет, так же молча захлопывает дверь. Но я же помню, что запираю дверь на замок! Оказывается, здесь такой порядок: замки снаружи запросто отпираются служебной отмычкой, и в любой момент к тебе могут ворваться, дабы позаботиться о твоём моральном облике...

Те, кто за неделю-другую просаживал все деньжата, тут же вставали в очередь на следующий рейс. Но охочих до рыбацких заработков – вся нищая страна, жди своей очереди. Но как-то же надо прожить до следующего рейса! А как – если всё внутри горит? Люди спивались, теряли человеческий облик, превращались в бичей.

Это слово по-разному объясняют. Например, как «Бывший Интеллигентный Человек». Но это слишком красиво и нереально. А чаще – от английского слова «берег». Бич – это тот, кто застревает на берегу, без денег, без крыши над головой, без перспективы снова пойти в море. Кто же опустившегося человека рискнёт взять на борт в многомесячный рейс? Даже в самый короткий, на месяц – полтора, и то не рискнёт... Тем более при такой живой очереди желающих зашибить деньги. Вот так и опускались люди на дно... И это в «благостное» советское время...

Я устроился не на промысловое, а на поисковое судно. Прошёл медкомиссию, получил «Санитарную книжку моряка». Договорились, что проплаваю дней пять – шесть не более. А как обратно? «С попутным доберётесь», – успокоили меня. С попутным, так с попутным. Рыбакам в море виднее.

Прибыл я на траулер «Симферополь» часа за два до отхода. Но в назначенный час судно не ушло. С берега капитана всё время донимали: «Доложите, почему не уходите?» «Старпом задерживается на берегу», – отмахивался Василий Алфертьев, моряк бывалый и спокойный. А пока старпом добирался, капитан угощал меня водкой, рыбой и чифирём. Такого крепкого чая я до тех пор не пил – ложка стояла в добротной гуще. Отчалили за полночь. Когда закончился... понедельник. Старпом тут не причём. Просто такая примета у моряков: в понедельник в рейс не выходить. Ну, и конечно женщин на борт не брать. В бога вряд ли верили, а вот в приметы... Ну так, на всякий случай...

Загуляли мы крепко, по-моряцки. Проснулся я уже в открытом море. Да, и всё равно никакого Кольского залива я бы не рассмотрел – кромешная тьма. Вроде бы уже наступил день, но не понятный: то ли ещё не рассвело как следует, то ли уже темнеет. Вот так в сумерках, под нарастающий шум порывистого ветра, дождя и рёв волн прошёл первый день. Как выяснилось, самый спокойный день.

В открытом море штормило: баллов семь – восемь. Наш траулер болтался, как Неваляшка. «Не перевернёмся?» – забеспокоился я. «Нет, – заверил капитан. – Траулер шведской постройки, надёжный. Только конструкция у него такая – вот он и сильно качается».

Мне отвели спальное место выше всех – в каюте с третьим помощником Виктором Ермаковым, да к тому же на верхнем ярусе. Меня возило по матрацу так, что я подумал, не сотру ли себе кожу на всех выпуклых местах. Чтобы защитить своё брэнное тело, упёрся вытянутыми пальцами ног, а к голове подставил два кулака. Но как в такой позе уснёшь?

Ночью раздался грохот. Пишущая машинка, хоть и закреплённая на столе, свалилась на пол. Потом ожил огромный, тяжёлый ящик с линеметателем (это устройство для выбрасывания тонкого троса – линия). Его кидало от одной стенки к другой, разбивая переборки. Утром я еле встал – меня тошнило. Не стесняясь, я выплёскивал из себя желудочную гадость за борт, но коварный ветер разносил мою блевотину по судну. Хорошо, что каплям дождя и волн удавалось её быстро смывать. Я провалялся до обеда. Меня вывернуло наизнанку, но даже думать о еде не хотелось. Хозяин каюты принёс мне тарелку солёных огурцов. Я с большим отвращением начал жевать, но после первых же глотков мне полегчало.

Шатаясь, я отправился на ужин. Самое странное и непривычное ощущение было в замкнутом пространстве, когда идёшь по коридору и не видишь падающую или взмывающую линию горизонта, когда ты не понимаешь, в какую сторону начинает крениться этот взбесившийся Ванька-встанька и какая переборка ударит тебя в бок или по лбу. И кажется, что ты сейчас потеряешь сознание...

За ужином я познал всю «прелесть» застоля в шторм. Стол был накрыт мокрыми полотенцами, чтобы ничего не сваливалось на пол. Миску с ухой надо было держать за один край и в такт судна покачивать её.

На следующий день шторм не ослабел. Но мне стало намного легче. Даже рискнул принять душ. Там проще переносится качка, чем в других безоконных помещениях: тебя мотает из стороны в сторону, но дальше стен душа-пенала не упадёшь. Одного я не предусмотрел: какой-то шутник отключил снаружи холодную воду, и я чуть не ошпарился. Заорал во всю мочь, пытаясь перекричать вой ветра. «Ошибка» исправили. Но кто и зачем поиздевался над московским гостем, осталось загадкой. Может, таким способом экипаж благословил меня на вхождение в клан морских рыбаков и отметил пересечение какой-то северной параллели? Не признались...

Когда команда стала собираться к обеду, заметил, что страдаю не только я, новичок. Люди по-разному реагируют на качку. Кто-то продолжал, отлёживаясь, болеть, а кто-то ходил по кораблю, не держась за поручни и переборки. Рыбу, конечно, не ловили, и почти всё время я проводил в рубке. Мой вестибулярный аппарат приспособился, и я тоже мог подолгу раскачиваться, держа тело в соответствии с земным притяжением и ритмичным покачиванием, нивелируя крен судна. Как настоящий морской волк.

Проходил день за днём – без лова. Команда заскучала. Кто чем пытался заполнить безработное время. Пытались играть в шахматы, то и дело поднимая падавшие фигуры. Читали журналы и книги. Вели разговоры.

Морской труд особенный, и байки особенные:

Моряк должен быть всегда вежлив, тщательно выбрит и слегка пьян.

Моряк должен уметь подойти – к столу, к женщине и к причалу.

Рыбу – стране, деньги – жене, сам – носом к волне.

Или такие бортовые присказки:

*Солнце красно поутру –
Моряку не по нутру.*

*Солнце красно к вечеру –
Моряку бояться нечего.*

*Солнце светит и палит –
В отпуск едет помполит.*

Солнце светит, и туман –

В отпуск едет капитан.

Однако солнце выглядывало сквозь лохматые обрывки низких туч редко, и по нему предсказать, какая будет погода, не представлялось возможным.

На пятые сутки штормяга достиг критической, девятибалльной силы. Моё нутро, хоть и протестовало против такого издевательства, но уже без тошноты. Однако голова с тревогой воспринимала, что наш шестидесятиметровый траулер буквально ныряет в волну. Казалось, мы сейчас уйдём в пучину взбунтовавшегося моря и не вынырнем. Волна перехлёстывала через нос корабля, брызги долетали до рубки и... замерзали на стекле.

На шестой день волна и ветер поутихли. Капитан решил, что, несмотря на пять – шесть баллов, пора взяться за работу. У поискового судна нет плана. И не его вина, что всё время штормит. Главное – сделать рейс. Но, сидя у трескучего приёмника, капитан всё время слышал грустную сводку: суда в пролове. И, посоветовавшись с помощниками, он коротко сказал: «Пробежимся!». Мы были в намеченном месте, на Демидовской банке. Это где-то посередине между европейским берегом и Шпицбергом. Поисковый прибор зафиксировал здесь рыбные косяки. Удастся ли поднять на борт рыбу, это ещё вопрос. Но без пробы ничего не узнаешь.

«Симферополь» – траулер среднего размера. Это на большом траулере (типа БМРТ) трал спускают через корму, по специальному коридору. А здесь трал опускают с борта. И принимают тоже через борт. Важно грамотно поставить судно относительно волн. Надо не бояться стоять у леера, несмотря на накатывающуюся волну. Конечно, на рыбаках – специальная непромокаемая роба. Но лицо не спрячешь. И каждая волна бьёт по-разному. Случалось, во время такого лова в экстремальных условиях рыбаков смывало за борт. При мне всё обошлось.

Первый же трал принёс добычу. Ящик на палубе заполнился кишасей разноцветной массой. Полтонны. Не плохо, но недостаточно, чтобы сообщать другим судам.

Обычно на одно траление уходит часа два. Из рубки лишь следят, чтобы ничего не случилось. Но что может случиться в открытом море? Здесь же нет подводных камней и коряг! А случалось...

– Эй, Иван, как дела? – Это по международному радиоканалу раздался голос норвежца с проплывавшего неподалёку тоже рыболовецкого судна.

– Ответить? – спросил я капитана.

– Ни в коем случае! – Он даже руками испуганно замахал. Советским судам категорически запрещалось контактировать в море с иностранными судами. Радиостанция всегда включена на этом канале, куда могло прийти «SOS». Но никаких разговоров! А то придётся долго и с непонятными последствиями оправдываться перед пограничниками, перед КГБ.

Только мы разошлись с этим кораблём, как капитан взорвался:

– Да что же он, гад, делает!

Поперёк нашего курса, чуть не в корму траулера, шла подводная лодка.

– Да он же за трал зацепится! Ну-ка, прибавь ходу!

И рассказал, что уже был случай, когда норвежская подлодка запуталась в трале нашего судна, и пришлось таким сцепившимся способом заходить в порт. Тут ведь такая опасность: кто кого и куда перетянет, ещё не понятно...

Поисковое судно уходит в рейс почти на месяц, но мне уже пора возвращаться. А как? Мы так далеко и от родных берегов, и от других судов. Капитан успокоил тем же обещанием: «С попутным доберёшься... Лишь бы шторма не было. Прогноз хороший, ветер слабеет». Да где ж попутный в открытом море найдёшь, коли поисковик бороздит водные просторы в стороне от мест производственного лова?

Вскоре меня предупредили, что завтра будет пересадка: какой-то сейнер идёт в Мурманск и подхватит меня. Этот ближайший попутный транспорт был в... ста восьмидесяти милях от нас. «Утром встретимся», – предупредили меня. Я не поверил.

Но рано утром я увидел на горизонте чёрную кляксу корабля. Стал поспешно собираться. «Да не торопись, позавтракай. Успеешь...» Я и умылся, и позавтракал, а мой попутный транспорт всё ещё двигался и двигался к нам, медленно прибавляя в росте. Когда сейнер приблизился, я посмотрел вниз, на волны, и меня обожгла мысль: как же я буду при такой волне – выше человеческого роста – пересаживаться?

Борт о борт швартоваться нельзя – волна разобьёт. С подветренной стороны спустили ялик. Вместе с боцманом – самым мощным моряком нашего судна. Волна мотала ялик, как скорлупку: то поднимала лодку почти до нашей палубы, то кидала, казалось, в бездну. При очередном подъёме я успел передать в руки боцмана мой кофр с фотоаппаратурой. При следующем – я прыгнул и быстро присел. Полдела сделано. Теперь оставалось преодолеть по волнам метров двадцать до сейнера, пришвартоваться к нему и так же расчётливо перебраться на борт корабля-попутчика. Процесс этот оказался более затяжным: одно дело спускать ялик вдоль борта, а совсем другое – приблизить его при такой волне! Но боцман успешно справился, и вот я на другом судне!

...В порту услышал бодрый голос Эдуарда Хиля из уличного репродуктора:

*А нам не страшен
Ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты –
Ведь мы ребята,
Ведь мы ребята
Семидесятой широты.*

Это – зовущая на подвиги популярная в советские годы песня Станислава Пожлакова на слова Леонида Лучкина. Да, не страшен, коли не бывал в морских переплётах...

Благодаря этому приключению на первой странице «ВТ» появился репортаж о рейсе «Симферополя» (18 ноября 1969 г.). Безо всяких прикрас и выдумок. Но и за скупыми строчками первополосного материала было видно, что будничная работа судна-поисковика полна приключений и опасности. О встречах траулера с иностранными судами на морских перекрёстках, как и положено, умолчал. Как и об обилии бомжей.

Когда я вернулся в Москву и от метро ехал на автобусе, то вдруг обратил внимание, что, несмотря на крутые повороты я, в отличие от остальных пассажиров, не держался за поручни – настолько тело автоматически реагировало на автобусную качку...

Визиты к Эдит Пиаф и к человеку-амфибии

В Москве у редакции «Водного транспорта» была дурная слава. Считалось, что там склочный народ подобрался. До прихода туда, я об этом не слышал. Но в справедливости этих утверждений (хотя бы частичной) я убедился.

При мне был такой конкретный случай. Звонят из райкома партии главному редактору: «Почему это у вас пьяный разгуливает по редакции?» Откуда узнали? Какой-то редакционный доброжелатель доложил. Может, за что-то мстил новому редактору?

Но были и приличные люди. К таким я, в первую очередь, причисляю моего непосредственного руководителя.

Уникальный человеком оказался сосед по кабинету – Юрий Рыжов. В паспорте у него было записано, что родился в Токио. Его отец кем-то там работал. Впоследствии, когда меня уже не было в редакции «ВТ», он устроился «помполитом» на мурманское рыболовное судно. Он сделал то, что я тоже хотел осуществить, побывав в Мурманске. Я намеревался такой моряцкий опыт использовать в творческих целях – написать книжку о рыбацком промысле в море.

Не помню, как точно, по-морскому, называлась эта должность, для которой не требовалось специальной подготовки. «Помполит» числился в ранге какого-то помощника капитана (чуть ли ни первого), отвечал за моральное состояние в экипаже, за политпросвещение.

Написал ли Рыжов, какую-то книжку – художественную или документальную – не знаю. Может, просто устраивался, чтобы заработать деньги на кооперативную квартиру или на машину. Хотя на телеэкране видел его комментарий про рыбацкие дела.

С уважением относился я и к ответственному секретарю Киму Панфёрову, сыну в то время известного писателя, автора романа «Бруски». За его порядочность, выдержку и деловитость.

Но более всего я сблизился с Виктором Щербаковым. Он работал в отделе культуры. Ведь он был писателем, переводчиком. Вне редакции пользовался псевдонимом «Легентов». Переводил поэзию с тюркских и других языков.

С болгарского перевёл пьесу Камена Задинова «Царская милость». Она с успехом шла в московских театрах, в частности во МХАТе. Там были заняты такие советские звёзды, как Павел Массальский и Алла Тарасова. По этой постановке сделали телеспектакль.

Виктор был также автором оригинального произведения. Его «Эдит Пиаф» поставили на сцене театра имени Моссовета. Главную роль исполняла Нина Дробышева. До этого она получила признание за роль в знаменитой киноленте «Чистое небо». Была достойной партнёршей Евгения Урбанского.

Скажу для тех, кто никогда не видел этот знаменитый фильм Григория Чухрая: в определённой степени его можно назвать «перестроечным». В нём показана трагедия лётчика, попавшего в плен и которого, в соответствии с указаниями вождя, отвергала советская действительность. И тем горше был «хэппи энд», когда после стольких лет унижений, лётчику вручили звезду Героя. Но на лицах мужа и жены не было радости, появились слёзы. Тема незаслуженно наказанного человека была очень злободневной в 1960-е годы, в период развенчания культа личности Сталина, критической переоценки его действий в годы войны с нацизмом и организованных им массовых репрессий.

И вот неожиданная роль Дробышевой – перевоплотилась в знаменитую французскую певицу, чья популярность в нашей стране тогда была на высочайшем уровне. Но пьеса не про успешное песенное творчество, а про сложную личную жизнь «Воробышка»: счастье и разочарования, обретения и утраты.

Спектакль шёл с большим успехом. Он держался более двух десятилетий! Помимо сценического варианта ещё была и радиоверсия. И там тоже главную роль сыграла Дробышева. Безусловно, именно её великолепное воплощение роли французского «Воробышка» в гармонии с фонограммами самой Эдит Пиаф предопределяли успех спектакля.

Мы с Виктором часто общались после работы. Я заходил к нему в гости. Он с женой (редактор в «Политиздате») и дочкой Алёной жил в стареньком здании, что стояло позади ресторана «София». Теперь на этом месте – тоннель под площадью Маяковского. А вместо «Софии» – пиццерия и KFC.

Как-то по пути из редакции Виктор сказал: «Зайдём к Нине Дробышевой». Запросто, без предупреждения – к звезде кино и театра? И буднично так предложил, словно к теще на блины позвал.

Нина и её супруг Виталий Коняев жили неподалёку – на какой-то Брестской улице. Мы зашли в подворотню, квартира была на первом этаже старого кирпичного здания. Дома нас встретил Виталий. Нины не было. «Если хотите, можете подождать. Она скоро должна появиться», – предложил он и заторопился в театр, оставив нас на попечении дочки. И тут произошло то, из-за чего у меня до сих пор мороз по коже, как только вспоминаю.

Лене было лет шесть. Я привык резвиться и пугать деток. Держа под мышки, я подбрасывал их вверх, приседал и ловил возле пола. Ребёнок: «Ах!». А я ловлю его внизу. Это я проделывал много-много раз. И всё обходилось: ребёнок, получив порцию адреналина, радостно попискивал, просил повторить. А тут...

Комната была густо уставлена мебелью. Возможно, здесь часто собирались гости. И особенно много было стульев, стоявших там и сям без всякой упорядоченности. И когда я присел, чтобы поймать Леночку внизу, ударился своим мягким местом об стул и нырнул вперёд. Каким-то чудом я успел завести свои руки чуть назад над головой, поймал-таки ничего не понявшего ребёнка и устоял на ногах. А то неизвестно, как сложилась бы судьба будущей актрисы Елены Дробышевой, получи она тогда какое-нибудь увечье. Да и моя судьба была бы осложнена.

Вряд ли Леночка запомнила тот случай. Она-то ничего не заметила. А я с тех пор перестал таким способом забавляться с детишками.

Другой наш с Виктором визит в гости обошёлся без испуга. Хотя мы отправились в логово «человека-амфибии».

Как и когда Виктор познакомился с Владимиром Корневым, который стал знаменитым после роли морского чуда – Ихтиандра в кинофильме «Человек-амфибия», не знаю. Скорее всего, у них нашлись общие знакомые и интересы в театральной среде.

Мы долго ехали на юг столицы. И где-то там, в новых домах разыскали этого актёра-красавца, мечту тысяч советских поклонниц. Я с немым восторгом, снизу вверх в прямом и переносном смысле, смотрел на знаменитость.

В жизни Корнев показался сдержанным, без игривости и позы. Простой советский человек. В домашнем халате. Без выпендрёжа.

Зачем Виктор приезжал, не вспомню. Возможно, он готовился сделать с «Ихтиандром» интервью для «ВТ». А поводом мог служить не только морской сюжет фильма, но и то, что отец актёра был контр-адмиралом.

Пробыли мы не долго. Особым угощением Корнев нас не побаловал. Всё по-деловому, коротко и чётко. Сын военного! Но причина краткости нашей встречи не только в этом: день актёра расписан по минутам.

В современной России на Корнева я посмотрел иначе – уже без восторга. Мне не понравилось его истерическое поведение в связи с приходом в их Театр имени Станиславского нового режиссёра – Александра Галибина. Тот, по договорённости и контракту с Департаментом культуры Москвы, попытался внести свежую струю в затухающую творческую жизнь

коллектива, застрявшего на старых позициях. Естественно, что некоторым ветеранам это не понравилось. Жить по старым заслугам и устоявшимся канонам приятнее. Тем более на дотации города. Но зачем же стулья ломать? Противники новшеств устроили массированную атаку на нового руководителя с первых же его практических шагов. И Коренев, как самый известный актёр, в этой травле, к сожалению, играл ведущую роль...

Мой отъезд в Якутию надолго разлучил нас с Виктором. Мы изредка переписывались. Прочитав в «Водном транспорте» интервью с Корневым, я просил передать актёру приглашение приехать в Якутск: зимой на строганину или летом – на рыбалку...

Прилетев в Москву в отпуск, я позвонил Виктору. Встретились. Я подарил ему свою книжку – «Этюды о профессиях». Книжка, конечно, не ахти какая, но я был горд, что написал её по собственной инициативе, что её опубликовали, и она ведь у меня первая! Он сообщил, что переводит стихи якутских поэтов, и они уже печатаются. Но я не был ни знатоком, ни любителем современной якутской поэзии. Вот эпос «Олонхо» – это впечатлило! Впрочем, я не исключаю, что были современные стихи и более высокого качества, только их не печатали по идеологическим соображениям.

Когда я совсем вернулся в Москву, то Виктор сам вышел на контакт со мной. Но только тогда, когда я уже стал редактором «Курантов». Он был приветлив, поздравил с газетой, отметив её интересной. Просил обратить внимание на проблемы отечественной литературы. «Куранты» не забывали эту тему, но, видимо, не в том ключе и не по тем сюжетам, которые интересовали его. Он также попросил осветить намечавшиеся мероприятия, связанные с именем Пушкина. Виктор был членом какого-то общественного комитета по их устройству.

Разговор в менторском тоне, с категорическими советами мне не очень понравился. А главное: предложения были выдержаны в духе уходящего советского времени. С чем я уже не хотел мириться. Стало понятно, что идеологически мы разошлись, как в море корабли. И наши контакты с Щербаковым-Легентовым оборвались... Увы.

На «даче Эйзенхауэра»

«Мы им покажем кузькину мать!»

Никита Хрущёв.

У меня появилась мысль сплавать к берегам Америки. Вариант разработал я такой. Вблизи этого далёкого континента, на Джорджес-банке, рыбку ловила обширная советская флотилия. Рассказывают, президент Кеннеди возмущался, что, сидя у себя на ранчо, на берегу Атлантики, он вынужден смотреть, как всего в нескольких милях туда-сюда снуют советские рыболовецкие суда. Но по тогдашним международным правилам наши уютжили атлантические воды на дозволенных расстояниях от берега.

Я договорился с руководством объединения «Запрыба», штаб которой располагался в Риге, что на попутном транспорте меня подбросят на Джорджес-банку, где находится плавбаза и куча сейнеров. Как раз в ближайшие дни намечался выход туда из Риги судна, доставлявшего воду. Водолеи и танкеры ходят быстрее рыболовецких судов. До Джорджес-банки, сообщили в «Запрыбе», ходу четыре дня. Четыре – обратно. Ну, и там можно побыть столько, сколько позволит ситуация с возвращением «чартерным» транспортом в Ригу. С этими расчётами я обратился к руководству редакции, почти уверенный, что получу добро. До меня ещё никто из журналистов «ВТ» не забирался так далеко в Атлантику.

Возвращается с редколлегии, где решалась судьба моей заявки, сосед по комнате, редактор отдела речного флота: «Едешь!» Я обрадовался. «В Иркутск и Якутск», – добавил он, усмехаясь.

Оказывается, министерство и ЦК профсоюза решили с нового года закрыть многотиражки, которые издавались каждым речным пароходством. Это было накладно, а информационно-идеологический эффект этих невысокого качества изданий, как, видимо подсчитали в партийных органах, был минимальным. Если вообще таковой был. Но, чтобы не потерять связь с трудящимися, надо было попытаться уговорить их переподписаться на «Водный транспорт». И чтобы профсоюзы помогли в этом. Делать нечего – я солдат. К тому же при нормальной ситуации попасть в эти далёкие края по редакционной командировке практически было невозможно. А края-то уникальные, экзотические.

И вот под Новый год я лечу в Иркутск. Мороз там – сорок градусов! Совершив обязательный визит к местным речным профсоюзникам (в баском-флот), отправился на заветный берег «священного моря». Здесь у меня была особая творческая цель.

В посёлке Листвянка, у истока Ангары, находился единственный в стране Лимнологический институт Сибирского отделения Академии наук СССР. Мне рассказали об уникальной системе Байкала. О том, что здесь чистейшая вода, я был наслышан, и что она холодна даже в жаркую погоду, и что скатывается в эту тектоническую впадину из трёх с лишним сотен рек, а выливается лишь через одну – Ангару. Однако о здешней живности почти ничего не знал. А здесь обитают десятки рыб-эндемиков, то есть те, которые больше нигде на планете не встречаются. Среди них в первую очередь интригует голомянка. Не размером, а тем, что она живородящая. Не мечет икру, сразу выпускает мальков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.